

Мак

Мими Джейн
Памфрилофф

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС

Книжный червь | Переводы книг

Тедди

— Ты справишься! — уговаривала я себя, рассматривая в зеркале свою черную юбку-карандаш и черный пиджак в тонкую полоску, уверенная в том, что никто никогда не узнает мой маленький секрет.

Никогда!

Я еще раз покрутилась перед зеркалом, чтобы понять, что я опаздываю на работу. В свой первый рабочий день.

О, да. Новая работа.

Конечно же, именно это послужило причиной моего нового образа (мои темные волосы уложены в трапецевидный боб, а большие очки в черной оправе вместо линз выгодно подчеркивали мои зеленые глаза). Конечно же, это из-за того, что хочу казаться взрослее, а не потому, что я переживаю, как персонал примет двадцатипятилетнюю женщину по имени Тедди (сокращение от Теодоры) в качестве нового директора Центра психического здоровья Санта Барбары. Я сама никак не могу это принять. Однако, моя юная внешность всего лишь второй пункт в списке моих проблем. Под номером один скрывается проблема, которую невозможно решить с помощью делового костюма. Я всего лишь надеюсь, что она никак не вскроется и об этом никто не узнает.

Никто еще, я имею в виду. Ведь, естественно, моим родителям все известно.

Не поймите меня неправильно. Я не была каким-нибудь вырождением. Скорее, я очень удачливый человек — таких еще называют вундеркиндами. Я перескочила через несколько классов, закончив школу в шестнадцать, а в двадцать два я уже защитила докторскую степень по клинической психологии в Колумбии, что включает в себя год моего отдыха, период, в течение которого я пыталась найти себя.

Просто катастрофический провал.

С каждой каплей приобретенных умственных способностей я теряла эмоциональную часть себя. Да, с мозгами у меня явно было что-то не так. Выражаясь языком дилетантов, я обрела так много и в то же время так мало. Да даже у компьютера можно вызвать больше сопереживания, чем у меня, хотя я, если бы мне пришлось, вполне

смогла бы разработать какую-нибудь программу.

Так что же со мной произошло?

Если бы, черт возьми, хоть кто-то мог это объяснить. Врачи объясняли это тем, что часть моего мозга, отвечающая за мои эмоции, отключена. Это вовсе не означает, что я вообще лишена эмоций, некоторые из них, конечно же, присутствуют, но они не классифицируются как нормальные. Например, нормальная девушка после двух лет отношений испытает счастье, когда ей предложат выйти замуж. Я же чувствовала... равнодушие. То же самое я чувствовала, когда пришла раньше с работы и застала его трахающимся с моим лучшим другом. Причем, одетым в мое белье. Мое новое кружевное белье, купленное для брачной ночи. Возмущение было бы вполне адекватной реакцией на произошедшее, но лучшее, о чем я могла подумать, это то, что моя проблема сделала мне своего рода одолжение.

Итак, как вы могли уже догадаться, именно отсутствие эмоций привело меня в психиатрию к изучению эмоций и разума и к коллекции футболок со Споком*.

Ага. Я правда их ношу. Странно относиться к этому с юмором, если полжизни вы провели, надеясь узнать, почему вы не нормальны.

Теперь вы понимаете, почему я считаю мое назначение на пост директора центра чудом? Поскольку, с одной стороны, с моим аналитическим складом ума я могла распознать в человеке шизофрению и биполярное расстройство на расстоянии мили и подобрать наиболее эффективное лечение для каждого пациента, как если бы это было моим даром, а с другой стороны я совершенно не сходилась с людьми на эмоциональном уровне. Но я все равно могу быть им полезна. Своим умом.

Осторожнее, Спок! Здесь Тедди!

— До скорого, Бентли! — я повернулась и погладила своего джек-рассела, а потом, взяв ключи от своего нового БМВ (небольшой подарок для себя любимой), вышла за дверь пляжного домика с двумя спальнями.

Ты справишься, Тед! Черт, даже не сомневайся в этом!

~

Мой новый помощник по административным вопросам Шеннон (блондинка средних лет с пассивно-агрессивной улыбкой) поприветствовала меня у ресепшена на входе. Центр психического здоровья, одноэтажное стеклянное здание с чрезмерно яркой благоустроенной территорией, располагалось всего в десяти минутах от центра Санта Барбары и вмещало в себя двести мест, пятьдесят из которых были зарезервированы для пациентов с длительным или постоянным проживанием. Остальные места периодически занимали мамы с постродовым синдромом, множество людей, преследуемых тревогой, или проходящих через черную полосу их жизни. А наркоманы и алкоголики стекались сюда со всего города.

— А вот и наше отделение стационарного лечения, — говорит Шеннон, подводя меня к двойным дверям бежевого цвета с вырезанными небольшими отверстиями, которые предотвращали столкновения персонала.

— Пятьдесят пациентов получают круглосуточный уход, включая и индивидуальные сеансы.

Шеннон распахнула двери, и я последовала за ней, чувствуя, будто бы мне проводят экскурсию по местному зоопарку.

— Первые десять палат закреплены за нашими «самоубийцами», в остальных обычно лежат пациенты с посттравматическими стрессовыми расстройствами, с хронической постродовой депрессией и нарушением пищевого поведения**, — Шеннон будто бы прогуливалась по коридору, периодически указывая мне на двери палат.

Здесь не было ничего, чего бы я не видела за четыре года работы в округе, и, соответственно, большинство пациентов были ходячими примерами из учебников по психиатрии. Примерно семидесяти процентам из них помогут стандартные психотерапевтические процедуры. Остальные тридцать процентов, если верить статистике, так и будут нуждаться в пожизненном уходе, демонстрировать незначительные улучшения или требовать лечения, которым мы не можем их обеспечить.

Моя же работа заключалась в том, чтобы настроить и обеспечить эффективную работу центра и принести тем самым пользу как можно большему количеству пациентов.

— Вот и весь ознакомительный тур, — объявила весело Шеннон, когда мы дошли до конца коридора, но ее карие глаза выдавали совсем другие эмоции.

Внезапно мой взгляд упал на безукоризненно отполированную бежевую кафельную плитку, ведущую к последней комнате справа от нас. В маленькое окошко в двери было вставлено стекло, но за ним было абсолютно темно.

— Кого госпитализировали в эту палату?

Комната номер двадцать пять.

— Какую именно, доктор Валентайн?

Меня пронзила сильная дрожь, и я стала растирать руки, покрывшиеся гусиной кожей.

— Здесь прохладно, не так ли?

— Такие расходы, как теплоэнергия, полностью не покрываются нашим финансированием, — пожалала плечами Шеннон. — Я привыкла.

Хмм...

— Я изучу этот вопрос с теплоэнергией позже, — я снова указала на палату двадцать пять. — Так что с ней не так? Внутри нет света, хотя мы на режимном объекте, сейчас день и мы должны придерживаться распорядка, в том числе и в освещении.

Распорядок дня был важен ровно так же, как и процедуры. Это касается и солнечного света. И эта комната не может пустовать, потому что, по моим данным, центр был забит под завязку, и ему приходилось отказывать новым пациентам в месте в нашем прекрасном святилище умственного исцеления.

— О, вы про ту комнату... — ее взгляд переместился на дверь комнаты двадцать пять. — Это пациент доктора Уилсона.

— У пациента отвращение к свету? Поскольку занавески явно закрыты, а света нет.

— Я не знаю.

— В смысле? — спросила я.

— Ну, этот пациент... — она подошла ближе, чтобы говорить тише,

— ...проблемный.

— Не поняла. В конце концов, это то, чем мы занимаемся. Работаем с трудными пациентами и с пациентами с трудностями.

Шеннон глубоко вздохнула:

— Этот пациент ни с кем не разговаривает, и доктор Уилсон велел нам оставить его в покое, пока он сам не будет готов говорить с нами.

Я подняла голову и поправила очки:

— Если пациент не хочет участвовать в процессе собственного выздоровления, то мы ничем не можем ему помочь. Выписывайте его или направьте в окружную больницу.

Центр был частной клиникой и работал в основном на гранты от государства или пожертвования, поэтому в уставе учреждения было четко прописано количество пациентов центра, принимаемых нами в год.

Шеннон недоуменно заморгала.

— Что-то не так? — спросила я, потому что такому человеку, как я, эмоции на ее лице были непонятны.

— Доктор Уилсон предельно ясно дал понять, что этого пациента беспокоить нельзя.

Вот оно что! Шеннон боялась послушаться доктора Уилсона.

— Понятно, Шеннон. Прости. Я не хотела ставить тебя в неловкое положение.

Это был классический пример работы моего мозга. Я поздно вспоминала про человеческие эмоции. Однако, я изо всех сил старалась не забывать про них. Правда, старалась. Именно поэтому я завела себе собаку, чтобы развивать в себе способность хотя бы различать эмоции, но до сих пор Бентли только смотрел на меня так, будто бы что-то от меня ожидал.

— Позже я сама спрошу доктора Уилсона о пациенте в палате двадцать пять. Ты не обязана что-то делать, — продолжила я, и Шеннон улыбнулась.

Мне хотелось бы верить, что эта улыбка означает, что девушка поняла, что я не собираюсь ставить ее в неудобное положение или причинять вред.

Не бойтесь меня, люди. Я просто робот в человеческом облике.

Экскурсия закончилась, но, когда мы направились обратно в холл, я не могла не взглянуть через плечо на маленькое темное окошко палаты номер двадцать пять. Почему это так меня влечет?

Я прогнала прочь это ощущение, и Шеннон проводила меня к моему кабинету — прямоугольное помещение с рядом окон, из которых открывался вид на парковку. Кабинет меня устраивал, так как мне не нравится Фэн-шуй, чрезмерное количество всюду стоящих ламп, или всего, что не несет в себе функциональность. Стол, два кресла, компьютер, книжный шкаф. Этого более, чем достаточно.

Мы обсудили график работы на текущую неделю, включающий мои встречи с сотрудниками и отчеты о ходе лечения наших пациентов. Для меня все было просто и логично, но я все еще была не уверена в том, как наш персонал и врачи отреагируют на мой... ну, столь юный для этой должности возраст.

После того, как Шеннон ушла на свое рабочее место, я села за свой стол и, посмотрев на целую грудку документов, лежащих передо мной, мечтала чувствовать себя более взволнованной. Моя работа была огромным достижением, которым можно гордиться, и мои родители, конечно же, гордились. Как и мои лучшие подруги — Мелоди и Сью. Я же, как впрочем и всегда, чувствовала чуть больше, чем ничего. Как будто я поставила очередную галочку, но моя настоящая жизнь еще не началась.

Это твоя настоящая жизнь, Тед. Прекрати желать большего.

Я взяла листок с ручкой и стала прикидывать свой план на неделю. Списки и планы меня успокаивали.

1. Оценить загрузку «доктор/пациент»
2. Попросить Шеннон устроить мне встречу только с персоналом.
3. Просмотреть бухгалтерскую отчетность.

О, и еще...

4. Поговорить с доктором Уилсоном о пациенте из палаты номер двадцать пять.

*Спок - персонаж научно-фантастического телесериала «Звёздный

путь». Вулканец. Большая часть вулканцев способны контролировать свои эмоции. Кроме того, некоторые из них могут пройти ритуал Колинара, призванный полностью заглушить все оставшиеся эмоции.

**** Нарушение пищевого поведения – этнопсихологическое расстройство, обуславливающееся либо чрезмерным употреблением пищи (перееданием), либо отказом от еды (анорексией)**

Мак. Глава 2

Всю свою первую неделю я потратила на изучение бухгалтерских документов вместе с нашим главным бухгалтером Мартой, планируя свое первое собрание со всеми сотрудниками центра и изучая графики и загруженность наших врачей, которые, к слову, были настолько забиты, что Шеннон делала все возможное, чтобы освободить им хоть немного времени. Я заметила, что штат был совсем не укомплектован, а это означало, что на одного врача приходится слишком много пациентов. Мне придется сократить наши расходы и нанять еще нескольких врачей. То есть прощайте сады для медитации. Мы больше не будем отказывать нашим потенциальным пациентам. И, пусть это не совсем обычно, но я была готова забрать нескольких пациентов себе. Это бы показало моим подчиненным, что я тоже вполне готова засучить рукава.

Занятно, но у доктора Уилсона было больше пациентов, чем у других врачей, и, понимая его загруженность, я попросила Шеннон назначить нашу встречу на вечер пятницы.

— Доктор Валентайн! Входите. Входите.

Я вошла в неприбранный кабинет доктора Уилсона, удивляясь тому, как он напоминает мне моего отца. У доктора были седые редущие волосы, под белым шерстяным свитером скрывался большой круглый живот, и на меня внимательно смотрели большие карие глаза. Мужчина сразу вызвал во мне симпатию.

— Итак, — начала я, сев в кресло из черного кожзама напротив его стола. — За эту неделю я провела анализ занятости наших врачей и выяснила, что на ваши плечи легло слишком много пациентов. Думаю это несправедливо.

Доктор Уилсон сел за свой стол, на котором в полном беспорядке перемешались рабочие паки, спортивные буклеты и разные

безделушки.

— Да, но мне, как правило, достаются пациенты, от которых отказываются другие врачи.

— Это неприемлемо. Мы не можем выбирать, кому из людей мы будем помогать, а кому нет.

— Не каждый врач способен справиться с любым попавшимся случаем, — ответил он на мои слова.

Каждый наш врач имеет степень бакалавра в области психологии, как и я. Ладно, не как и я. Я имела три специальности: нейропсихология, когнитивная и нейролингвистическая психология, психометрическая и количественная психология.

По сути, я и мама были психами (простите мне мой юмор, но псих, работающий психологом, — это смешно).

— Сейчас мы это исправим, — сказала я. — Я планирую забрать несколько ваших пациентов. Просто дайте мне рекомендации по поводу того, какие именно случаи мне стоит забрать себе. Я не хочу подрывать прогресс в лечении этих людей.

Доктор Уилсон слегка сжал губы, а я заметила, что шкаф за его спиной был полностью забит медицинскими книгами, но к ним никто не прикасался, наверное, с того момента, как он стал работать здесь. Эти сантиметры пыли были явным нарушением санитарных норм, но я проигнорировала этот факт. Поскольку была ненормальной, с общепринятой точки зрения. Видите, снова мы почти вернулись к слову «псих».

— Очень мило с вашей стороны, доктор Валентайн. Я все обдумаю и отдам вам список в понедельник или во вторник.

— Хорошо. Да, и пока я не забыла, я хотела бы спросить вас о пациенте в палате номер двадцать пять.

Доктор Уилсон отпил из кружки с надписью «Мой папа №1», стоящей на его столе. По всей видимости, в кружке был алкоголь, потому что доктор был каким-то заторможенным и подозрительно радостным.

— Вы имеете в виду нашего мистера Доу*, вернее анонима с придуманной фамилией? — спросил он, поставив на стол свою кружку.

— Мы лечебное учреждение, работающее за счет людей, а не государства. И поэтому люди, которые отказываются назвать себя, страдающие амнезией или нехваткой денег, отправляются в другое место.

Доктор Уилсон улыбнулся:

— Он зарегистрировался неделю назад, но оплатил три месяца лечения, а затем попросил положить его в палату и оставить в покое, пока он сам не захочет с нами говорить.

— Это безумие, — резюмировала я.

Уилсон хрипло рассмеялся и его смех напомнил мне смех Санты. Его «Хо-хо-хо!»

— Да, полагаю, это и правда безумие. Но нигде ему не будет так хорошо, как здесь.

— Значит, этот мужчина не хочет, чтобы мы его лечили, и мы понятия не имеем, почему он здесь?

— Ни одной догадки. Но разве это не интересно? — доктор Уилсон выглядел крайне взволнованным этим крайне неэффективным использованием целой палаты. И я не могла понять, почему.

— Он не может оставаться здесь. Есть люди, действительно нуждающиеся в нашей помощи, а мы отказываем им в этом.

— Он заплатил нам, — напомнил мне доктор.

— Вопрос не в деньгах, а в нашем долге перед обществом. Вниз по улице стоит отличный пятизвездочный отель, где за его деньги ему с удовольствием предложат уединение.

Доктор Уилсон кивнул:

— Как скажете. Вашу точку зрения я понял.

Я встала и протянула ему руку:

— Что ж, хорошо. Была рада побеседовать с вами, доктор Уилсон.

Он поднялся с кресла и ответил мне рукопожатием:

— Я с нетерпением жду возможности поработать с вами, доктор Валентайн.

Я подумала о том, что наш диалог прошел вполне хорошо, но, только я дошла до двери, доктор сказал:

— Я надеюсь, вы не против разрешить этот вопрос непосредственно с нашим анонимом? Вторая половина моего дня чересчур загружена.

Я кивнула:

— Конечно, я сама займусь этим вопросом.

Меня не волновали чувства этого анонима, меня волновала простаивающая работа.

И, честно говоря, мне было интересно встретиться с мистером Номер двадцать пять.

Темнота была единственной вещью в этом мире, в которой я чувствовала себя неуютно, наверное, потому что я любила видимые факты. Объясню. Видеть объекты то же самое, что видеть факты. Вот пол. На нем стоит диван. Это факты. Угадывать, что где находится: «Вот вроде здесь должна быть ножка дивана. Ой, больно! Значит, она не здесь!» — бесполезная и глупая трата времени. Именно для этого люди создали лампы.

Поэтому, когда я зашла в палату мистера Доу, первым моим желанием было включить хоть какое-то освещение.

— Мистер Доу? — обратилась я к темной фигуре, сидящей в углу небольшой палаты, повернувшейся ко мне, как какое-то жуткое пугало, ожидающее момента, чтобы испугать меня до сердечного приступа. — Меня зовут доктор Валентайн. Я новый директор этого Центра. Могу я включить свет, чтобы мы могли обсудить причину, по которой вы находитесь здесь?

— Я просил меня не беспокоить! — глубокий мужской голос поразил меня, как ледяная пощечина.

Но еще он был каким-то, не знаю... гипнотическим, что ли.

Я прищурилась, чтобы разглядеть его лицо, но могла видеть только его силуэт: широкие плечи, очертания мощных рук, короткие волосы. Это, собственно, не все, что я смогла разглядеть. Открывая дверь, я заметила, что на нем были темные штаны, скорее всего джинсы, и белая футболка.

— Именно поэтому нам и нужно поговорить, — начала я. — Мне сказали, что вы находитесь здесь отнюдь не за лечением...

— Уходи.

От удивления я открыла рот.

— Простите, но вы...

— Я сказал, оставь меня! — зарычал он.

К его сожалению, меня было не запугать. Не то, чтобы я была глупа и не думала о своей безопасности. Я не знала, способен ли он причинить мне какой-то вред.

— А если я не уйду? — спросила я, прощупывая почву, ведь его ответ скажет мне все, что я хочу знать.

И я стала ждать этого ответа.

Минуту... Еще немного...

Он и не собирается отвечать мне. Прекрасно!

Это было глупое и совершенно непродуктивное использование моего времени. Мне нужно было увидеть его лицо, и тогда моя интуиция психолога довершит все остальное.

— Окей. Я включаю свет...

Я щелкнула выключателем и, обратившись взглядом к мужчине, была будто бы поражена громом.

— Черт возьми! — ахнула я.

Я выключила свет, повернулась и вышла из комнаты.

Блядь, блядь, блядь!

Что это было?

*Джон Дóу — устаревший юридический термин, экземплификант, обозначение мужской стороны в судебном процессе, использовавшийся в ситуации, когда настоящий истец неизвестен или анонимен.

Глава 3

— Это не по-настоящему, Тед! Это нереально! — повторяла я сама себе, пока, задышавшись, бежала через ярко освещенные коридоры к

своему кабинету.

Я, пробежав мимо Шеннон, которая пыталась рассказать мне про какую-то встречу, ворвалась в кабинет и захлопнула за собой дверь.

Вот блин!

Я приложила руку к груди, чувствуя свое сердцебиение. Оно было настолько быстрым, как будто я дралась или бегала марафон. Уперев руки в колени, я наклонилась вперед, пытаясь отдышаться.

Превосходно! Первая рабочая неделя, и я уже заработала себе нервный срыв.

Это было единственным объяснением моей реакции на то, что я увидела.

Но что я увидела?

Господи! Эти глаза! Они были ярко-синими, напоминая краски с картины Моне. А его лицо было таким...

Блядь!

Я не могла вспомнить, как он выглядел. Я могла вспомнить только чувства, которые его сжирали. Ярость. Боль. Ненависть. Жажда. Опасность. Я чувствовала это практически своим нутром и дрожащими от непонятных чувств костями.

Выдохнув, я выпрямилась. Голова гудела и кружилась от нахлынувших ощущений и эмоций.

Да! Эмоции! Проклятые эмоции!

В дверь моего кабинета тихонько постучали, и я стала быстро приводить в порядок свои волосы и помятую белую блузку.

— Да? — спросила я спокойно, пытаюсь скрыть дрожь в своем голосе.

— Доктор Валентайн? — Приоткрыв дверь, в кабинет заглянула Шеннон. — Я принесла отчеты.

На этот раз, увидев ее пассивно-агрессивную улыбку я почувствовала раздражение.

Вот блин! Разве мне не должно быть все равно?

— Прости? — Я понятия не имела, о чем она говорит.

В моей голове я видела только его глаза. Такие красивые.

— Отчеты, — повторила она. — Вы хотели, чтобы я принесла их прежде, чем уйду на выходные.

А! Те отчёты...

— Спасибо, Шеннон.

— С вами все в порядке? — спросила она, передавая мне папку. — У вас лицо покраснело.

Я прикоснулась к своей щеке, на самом деле чувствуя жар, и была уверена, что щекотка, которую я ощущала вдоль своего позвоночника, вызвана капельками нервного пота.

— Все хорошо, спасибо, — ответила я девушке. — Просто немного устала от такой загруженной первой недели. Вот и все.

— По-моему вы отлично справились. Вы все схватываете на лету, несмотря на столь молодой возраст.

Я не поняла, на что именно она намекала, поэтому просто вежливо ей кивнула:

— Спасибо.

Прикрываясь напускным спокойствием, я стала собирать вещи, которые хотела забрать домой. Дом был подходящим местом для того, чтобы переварить то, что со мной случилось.

Кем бы ни был тот человек, что-то в нем было... неправильным. Совсем неправильным.

Нет! Это не имеет никакого смысла.

Если размышлять логически, то мне не стоит проецировать на него то, что происходит в моей голове, ведь это спровоцировано каким-то внешним фактором и с этим мужчиной связано совсем косвенно. Насколько я знаю, даже обычное яблоко, упавшее на голову человека, может вызвать удивительный эффект. Поэтому в том, что произошло с моим разумом, может быть виноват даже простой ветер или яблоко. Но глубоко внутри себя я понимала, что все это не случайно. Как и моя одержимость мистером Номер двадцать пять.

~

В тот вечер я взяла Бентли на длинную прогулку по пляжу,

проигнорировав то, что сейчас февраль и на улице довольно-таки прохладно.

Обычно я бы не рисковала заболеть, и меня бы раздражал взгляд Бентли, как будто говорящий мне: «Хреновая из тебя хозяйка», — но сегодня мой разум был занят другими заботами. Мой желудок как будто бы скручивало, а в сердце поселилась тяжесть.

«Что произошло сегодня?» — размышляла я, расположившись на своем деревянном каркасном балконе с видом на Тихий океан, который сегодня был не таким уж и тихим. Его волны, сверкающие в лунном свете, ревели, да и мои мысли были подобны этому океану. Они метались просто с непреодолимой силой. Внутри меня словно распахнулась какая-то дверь. Но почему это произошло именно тогда, когда я встретила взглядом с этим человеком?

В моей голове снова и снова вспыхивало воспоминание о его глазах, но я все так же не могла вспомнить его лицо.

Что бы это ни означало, я решила не думать об этом сегодня, а утром я могла бы позвонить отцу. Всю свою жизнь он проработал психологом, но, выйдя на пенсию, переехал вместе с мамой в Скоттсдейл, штат Аризона, чтобы провести остаток жизни в мире садоводства, гольфа и солнечного света.

Нет! Помощь тебе не нужна. Ты же Тед Валентайн. Ты контролируешь ситуацию и можешь справиться со всем сама.

Конечно же, это было просто самовнушение, потому что я понятия не имела о том, что вообще происходит. Подумав о том, что моему мозгу просто нужно отдохнуть, я легла спать пораньше.

В ту ночь мне снится, что я бегу по крутому холму и солнце обжигает мне спину. Меня преследует человек со сверкающим серебряным мечом, лицо которого запачкано кровью. Полностью выдохшись, я останавливаюсь и смотрю на свое платье из грубой ткани, оно тоже запачкано кровью, которая льется из глубокой раны в моем теле. Я оглядываюсь на преследователя и все, что я вижу, — это глаза цвета голубого неба на красном от покрывающей его крови лице. И вдруг сон исчезает.

~

Следующим утром я проснулась с диким желанием съесть сосиски,

колбасу, сыр и яйца. Я чувствовала такой голод, как будто не ела несколько недель. Я переворошила морозилку и не могла взять в толк, почему вся моя еда такая здоровая и легкая. Замороженная курица, горох и низкокалорийные полуфабрикаты. А в самом холодильнике стояли контейнеры с приготовленными салатами, бутилированная вода и бутерброды с индейкой. Не было ни майонеза, ни соуса, вообще ничего жирного или перченого.

— Чье это? — спросила я в никуда, запустив пальцы в волосы, и случайно увидела Бентли, стоящего рядом с осуждающим взглядом.
— Е-мое, ну что ты на меня так смотришь? Никогда не видел, как человек сходит с ума?

Он продолжал на меня пялиться, словно говоря: «Нет, ты у меня первая подобная сучка».

— Ой, да ладно? Пошел ты, Бентли!

Он практически закатил глаза и направился к своей маленькой дверце, которая вела во двор, чтобы, наверное, найти там более интересную компанию — дерево, белку, краба, хоть кого-то, кроме меня.

Я вернулась в свою удручающе стерильную спальню, в которой стеганое одеяло, кресло, настольная лампа, даже комод и настенные часы были белыми. Я быстро запрыгнула в джинсы, одела футболку и, схватив ключи от машины, выбежала на улицу.

Купив два круассана с сосиской, сыром и яйцом и мокко со взбитыми сливками и шоколадным сиропом, я стала завтракать. Я ахнула, когда откусила кусочек от первого круассана. Это было похоже на вкусовой оргазм, лучше, чем все, что я пробовала в этом мире, лучше секса. Да, у меня был секс. И даже был оргазм. Конечно, мне было приятно достичь его, но я все равно не понимала, почему люди этим так озабочены. Я бы предпочла оргазмам хорошую пробежку или горячую ванну. Это же полезнее для здоровья. Но сегодня я чувствовала, как будто мои вкусовые рецепторы связаны с каждым нервом моего тела. А на светофоре я поняла, что стону, когда откусила жареный сыр.

Вот епта! Что же со мной происходит?

Сыр же даже не был настоящим. И еще я поняла, что повернула в сторону Центра, отчаянно желая увидеть мистера Номер двадцать пять.

~

Я припарковала свой черный БМВ на моем парковочном месте, заглушила двигатель и буквально вылетела из машины, и с сумасшедшей скоростью бросилась к входу в Центр. Где-то сквозь хаос в моей голове до меня доносились голоса сотрудников, здоровающихся со мной, пока я преодолевала длинный коридор, но я могла сосредоточиться только на одном — на нем.

Когда я добралась до двери его палаты и посмотрела сквозь маленькое темное окошко, по моему телу прокатилась волна дрожи.

О, Господи!

Я не могла поверить в то, что по-настоящему боюсь.

Не важно. Мне необходимо с ним встретиться.

Я повернула ручку и толкнула дверь. У меня перехватило дыхание, когда я заметила своего таинственного незнакомца, сидящего в кресле около двери и будто бы ожидающего меня.

— Привет, — произнесла я голосом, полным жалкой и незнакомой дрожи. — Ты меня помнишь?

Он не ответил, и его обольстительный мужской силуэт даже не дрогнул.

— Я хочу разобраться в том, чем мы можем тебе помочь? — заикалась я, убирая прядь волос за ухо. — Это звучит безумно и из уст психолога это прозвучит даже смешно, но мне нужно знать, кто ты.

— Зачем? — комнату заполнил низкий и глубокий голос.

Я отступила, но не позволила себе сбежать, как вчера, сосредоточившись вместо этого на его вопросе. Мне хотелось рассказать ему правду. Рассказать, что со мной происходит. И где-то в глубине своей души и своего разума я верила, что он был единственным человеком, способным меня понять.

Тем не менее, говорить пациенту о том, что он, возможно, вызвал психологическое расстройство у своего же лечащего врача, неразумно, потому что:

1. Это подорвет доверие пациента.
2. Это могло внушить пациенту чувство вины за то, в чем он, по сути, не виноват.
3. Пациент здесь не для того, чтобы помогать мне. Все, как раз-таки наоборот.

Я выпрямилась:

— Я управляю этим учреждением, и моя работа состоит еще и в том, чтобы всегда знать, кого мы лечим. Мне нужно убедиться в том, что ты получаешь квалифицированную помощь, — я сжала руки в кулаки, надеясь, что он не заметил, как они дрожат.

Казалось, что прошло слишком много времени, когда я увидела, как очертания тени его рук изменились. Мистер практически угрожающе поднял свои мощные руки и, скрестив пальцы, сложил их за головой и откинулся в кресле.

У меня сложилось впечатление, что этот человек вовсе не болен, и на самом деле происходит что-то еще.

В любом случае, он не ответил на мой вопрос. Ну, а мне по-любому нужно было знать ответ и мне казалось, что от этого зависит моя жизнь.

— Так кто ты такой? — снова спросила я, а мой голос наполнился фальшивой бравадой.

И снова повисла пауза, такая долгая и гнетущая, что я стала мечтать о глотке алкоголя, а потом, поскольку я не видела в этой темноте практически ничего, я почувствовала, как его взгляд прошелся по моему телу.

— Меня зовут Мак.

шь, — солгала я, ведь, в конце концов, он должен будет уйти. — Однако за это придется заплатить.

— Я уже заплатил! — он казался недовольным, но не в обычном понимании этого слова. В голосе этого парня слышалась угроза.

— Денег недостаточно. Но мы можем заключить сделку. Если расскажешь мне больше о своем проклятии, то я позволю тебе остаться.

— То есть я буду здесь, пока согласен болтать с тобой? — Мак выглядел удивленным.

— Да. Я хочу знать, что с тобой произошло.

— Ты не поверишь.

— А ты за меня не решай, — парировала я.

Он замолчал, и я надеялась, что это означает, что он обдумывает мое предложение, но мне хотелось видеть его лицо и знать наверняка. Я потянулась к выключателю.

— На твоём месте я бы этого не делал, — предупредил он.

Я убрала руку, вспомнив, что случилось в прошлый раз. Но это же все произошло только в моей голове. Правда?

— Ладно, — согласилась я. — Свет пока останется выключенным. Так ты согласен на сделку?

— Это твоя жизнь. Но ты уверена, что готова так рискнуть просто для того, чтобы услышать мою историю?

Ах, да, он же уверен, что я умру, если буду находиться рядом с ним.

— Мы начнем в понедельник. — Но, повернувшись, чтобы уйти, я снова оглянулась, чтобы попробовать разглядеть его лицо, открывая дверь, но его накрыла тень.

Ну вот.

— Жду с нетерпением... — Мак опустил голову, и свет, прокравшийся через занавески, озарил половину его лица.

Покрытая щетиной челюсть была крупной и угловатой. Его скулы были просто произведением искусства. Мое сердце тут же заколотилось, а разум наполнился кипящими ощущениями, как если бы мне вкололи какой-то эротический препарат. На этом я, пожалуй, должна бы была себя образумить. Потому что, какой бы хаотичной ни была ситуация, некоторые принципы, такие как нет убийству, избиению детей или травле животных, никогда не должны переходить в действия. А сексуальные чувства к своим пациентам, определенно, тоже находились в этом списке.

— Я тоже с нетерпением жду этого, Мак.

Я ушла, стремясь к бьющему снаружи свету, как будто этот свет был

моим убежищем, где я снова могу дышать. Но, как только я вышла в коридор, меня захватила потребность вернуться в эту комнату, во власть темноты под названием «Мак».

Ради всего святого, возьми себя в руки, Тед!

Глава 5

Как только я вернулась домой и принялась успокаивать свои расшатанные нервы с помощью огромного жирного чизбургера с халапеньо и картошкой фри, удивляясь, как это я раньше выдерживала подобную кулинарную депривацию, я подумала, что худшее осталось позади.

Наполнив свой желудок вредной едой, я стала размышлять над событиями, которые произошли, и искать катализатор моего нового психологического состояния. И, хотя я пыталась расслабиться, обосновавшись в кресле на балконе, одев теплый сиреневый свитер и шарф, мой разум успокоиться не мог. Я подумывала позвонить Сью, одной из моих лучших подруг, не переспавших с моим бывшим, но она сейчас была на какой-то библиотечной конвенции в Миннесоте. Я попыталась дозвониться до Мелоди, другой моей лучшей подруги, которая, как я знала, не была двуличной тварью, но звонок переключился на голосовую почту. Сообщение я, конечно же, оставлять не стала. Да и что я могла ей сказать?

«Привет. Это – новая я. Сумасшедшая и голодная, обретшая настоящие эмоции, ведь раньше эмоции, которые тебе нравились, были поддельными».

Определённо, этим стоит заняться, но точно не сегодня.

Я откинулась назад в своем кресле и почувствовала прохладу ночного ветра. Воздух вокруг меня внезапно стал тяжелым, и я нутром ощутила, как на меня надвигается буря. И назревает она только для меня. Как предзнаменование чего-то. Я уже с огромным нетерпением ждала возвращения в ту палату, чтобы снова услышать его гипнотически глубокий голос, почувствовать, как я ненароком сжимаю пальцы в кулаки при ускорении моего пульса.

Я жаждала этого. Даже больше, чем жареного сыра.

Приехав в Центр в понедельник утром, я велела Шеннон освободить весь мой день. Лгав себе, я прятала истину под причиной, что я

освободила столько времени, чтобы у Мака было больше возможности высказаться.

— Вы уверены? — спросила Шеннон, сидя за своим столом, предметы и офисные принадлежности на котором лежали просто в абсолютном порядке. — Потому что доктора Коул и Сноу записались к вам на личную встречу.

— Я уверена. Мне необходимо увидеть пациента доктора Уилсона.

Шеннон одарила меня своей фирменной улыбкой, но я-то знала, что мое решение ей не понравилось, потому что на этот раз я безошибочно угадала эмоцию на ее лице — раздражение.

Это то, чего я была лишена?

На самом деле в мире и правда было легче ориентироваться, когда ты видишь, что люди могут разговаривать и посылать всякие сигналы еще и глазами и мимикой. Они могут разговаривать языком тела.

— Я знаю, что тебе пришлось усердно потрудиться, Шеннон, для того, чтобы все это спланировать. Мне очень жаль, но этому пациенту действительно нужен кто-то, кому он может выговориться. И я не думаю, что он будет разговаривать с кем-то другим.

Выражение на ее лице смягчилось, и я поняла, что оно выражает сочувствие.

Я мысленно себе поаплодировала.

— Вы правы, доктор Ви. Вероятно, он нуждается в вас намного больше, чем наши врачи.

— Спасибо за понимание, Шеннон, и... доктор Ви? — Я подняла бровь от удивления.

— Ваша фамилия такая длинная. Надеюсь, вы не возражаете?

Но прозвище «Доктор Ви» ассоциировалось у меня с Доктором Вагиной, Доктором Виагрой или Доктором Вазелином.

Почему я вообще об этом думаю?

— Давай лучше остановимся на докторе Валентайн. — Мое имя всегда вносило серьезность в мой юный образ.

— Хорошо, — ответила она, пожимая плечами. — Удачи вам с нашим анонимом.

Я собиралась поправить ее и назвать его имя, но потом поняла, что хочу сохранить его для себя, как какую-то драгоценность, принадлежащую только мне.

Ага. А потом я полысею и буду сидеть в одних трусах над своей Прелестью.

— Спасибо! — я схватила свой блокнот и направилась навстречу своей буре, даже не утруждаясь закрывать за собой распахнутые двери. Я хотела почувствовать каждую жгучую каплю этого дождя, каждый порыв ветра и услышать каждый раскат оглушительного грома.

Никогда в жизни я не была так взволнована. Никогда.

~

Я знала, что была не единственной, кто контактировал с Маком в нашем Центре. Ведь оплата его пребывания здесь включала в себя трехразовое питание, а еще были уборщики и санитары, меняющие постельное белье, полотенца, выносящие мусор и просто убирающие его палату. Но, когда я подошла к двери и услышала за ней тихий женский голос, это поразило меня, а, точнее сказать, просто взбесило...

Он – мой!

Я мысленно осадила себя за столь неадекватную реакцию и прижала ладонь к своему рту.

Что со мной творится?

Я никогда раньше никого не ревновала. Вообще никогда.

Встряхнувшись, я собрала волю в кулак и протянула руку к двери, но ее вместо меня открыли с другой стороны, и из палаты вышла очень худая блондинка в обтягивающих красных штанах. Она остановилась почти в паре сантиметров от моего лица и вздохнула.

— Кто вы? — спросила я, потому что она не работала в Центре, и на ее одежде не было значка посетителя.

Девушка посмотрела на меня, будто бы я была жвачкой, которая прилипла к ее полосатым туфлям. Обойдя меня, она даже не потрудилась ответить.

— Извините, но я задала вам вопрос! — когда я произносила эти слова, я почувствовала, что просто киплю от ненависти. Но чувствовала я это не из-за того, что она только что проигнорировала меня.

— Правильно. Не стоит останавливаться, дорогая, — прорычала я, желая снять с нее ее белокурый скальп, пока она шла по коридору.

Тпру! Это уже слишком!

Я мысленно одернула себя, сделала несколько мелких вдохов, повернула ручку двери и вошла в тесную темную комнату двенадцать на двенадцать. Бежевые занавески в которой были плотно зашторены, дверь в ванную комнату была закрыта, отчего создавалось ощущение того, что мы находимся в какой-то пещере. Как и ожидалось, угрожающая фигура Мака сидела в кресле в углу палаты. Он был настолько неподвижен, что его можно было принять за статую.

— Кто это был? — спросила я.

— Подруга. И, прежде чем ты спросишь, я избавлю тебя от этой надобности и скажу, что я трахал ее раньше. Теперь нет. И в надежде, что это изменится, она оказывает мне услугу.

Слово «трахал» мгновенно вызвало в моей голове картинки, на которых обнаженный Мак скользил между моими бедрами. Его голая твердая задница покачивалась в такт его движениям, а мышцы на спине напрягались при каждом его толчке, доводящим меня до экстаза.

Я сглотнула образовавшийся в моем горле ком.

— Что ж... приятно знать... — я не стала озвучивать то, что вертелось на моем языке. — Полагаю, она не из тех людей, от кого ты скрываешься здесь? — Ведь он уже упоминал, что «они» разыскивают его.

— Нет.

Я ждала, что он скажет мне что-то еще, но он молчал, а мне нужно было решить, что мне на самом деле сейчас важно. Приоритетом, конечно, было заставить Мака осознать, почему он находится здесь, осознать, что он нуждается в помощи и хочет, чтобы ему помогли.

— Итак, ты готов начать? — спросила я.

— На самом деле я передумал.

— В смысле?

— В том смысле, в котором ты это слышала.

— Но ты...

— Минута слабости, — окрестил он наше соглашение. — Не вижу смысла в том, чтобы рассказывать незнакомке то, что со мной происходит.

Блядь! Почему тут так темно? Мне хотелось, чтобы он увидел раздражение, наполняющее мои глаза.

— Тогда почему ты согласился на мои условия?

— Я подумывал тебя склеить. Последний трах с привлекательной женщиной, пока я еще жив, — он пожал плечами. — Кто может меня в этом обвинить? Ты выглядишь так, как будто нуждаешься в этом, а я был один слишком долго.

Я даже не могла найти слова для ответа на его шокирующее заявление, но местечко между моих ног заныло, ведь мое тело знало, что я должна просто согласиться с ним. Но я понимала, что это не тот мужчина, который способен положить конец моей сексуальной засухе. Прежде всего, у него были проблемы с головой, и он был моим пациентом.

— Приму твое молчание за положительный ответ, — сказал вдруг он.

В ответ я лишь покачала головой:

— Что бы ты ни делал, это не сработает, — категорически отрезала я.

— Я встречала людей гораздо хуже.

— Гораздо? — Мак слегка наклонился вперед. — Расскажи.

Обычно я ни с кем не обсуждала моих пациентов, но мне было нужно, чтобы этот пациент раскрылся, а это означало, что я должна первой сделать шаг навстречу.

— Однажды я лечила человека, ожидающего суда за убийство. Ганнибал при сравнении с ним больше смахивает на котенка.

Мак усмехнулся:

— Так что, он пытался съесть твою печень?

— Нет. Он угрожал мне тем, что найдет мою мать, изнасилует, а потом съест ее печень. Также он любезно предложил мне снять

данное мероприятие на видео и прислать мне копию.

Это произошло со мной где-то год назад. В связи с тем, что я не паниковала и никак не реагировала на его угрозы, это только злило безумца. Да и к тому же во время наших бесед он был связан.

— И этот человек... — произнес Мак тоном, полным дерзости, будто он не поверил мне, — что с ним стало?

— После трех наших встреч он был опознан в полиции как подозреваемый в еще одном убийстве. Теперь он отбывает пожизненное заключение.

— Кого он убил?

Я сложила руки на груди:

— Он изнасиловал мать своей бывшей девушки, а потом убил ее. Парень был явно недоволен тем, что его бросили, и решил, что это хороший способ донести эту мысль до своей бывшей подружки.

Мак больше не смеялся.

— Так ты говоришь, что тот мужик тебя не пугал, а соответственно и я тебя не пугаю?

— Ты планируешь съесть какие-нибудь части моего тела? — спросила я.

Он замолчал. Слишком надолго, по моему мнению, потому что мой мозг уже проигрывал для себя яркие порнографические картинки на тему: «Какую часть его тела мне хотелось бы попробовать на вкус».

Ну, здорово! Тед, сосредоточься!

— Я не поклонник печени, — наконец ответил Мак.

Я пожала плечами:

— Значит, и переживать не о чем! — Я отодвинула стул, стоящий рядом с дверью, от стены, и, приняв удобную позу, положила себе на колени принесенный с собой блокнот. — Я очень хороший слушатель, Мак.

— А я сказал, что мне это не интересно! — рявкнул он твердым голосом, вызывая во мне дрожь.

Я знала, что не должна наслаждаться его обществом, но все получалось наоборот. Я будто бы попала в клетку ко льву, и все мои

чувства и инстинкты были обострены до предела.

Меня снова мучили тишиной.

Вот черт!

— Все в порядке. Я понимаю. — Я встала со стула и направилась к двери. — Твои документы будут готовы в течение часа.

— Я никуда не уйду, — спокойно заявил Мак.

— Мы заключили сделку, а ты ее нарушил. Поэтому ты покинешь этот Центр, и у меня в штате есть два огромных санитаря, которые со мной согласятся. А если ты попытаешься причинить кому-либо хоть какой-то маломальский вред, то твоим следующим пристанищем станет тюрьма, или Окружная психушка, где тебя как следует успокоят, потому что здесь мы не пичкаем своих пациентов лекарствами насильно. Мы здесь просто разговариваем!

То, что я могу его куда-то отправить, конечно, было полной чушью, потому что я никогда бы с ним так не поступила. Вообще никогда. Я просто чувствовала, что нужна ему.

Я изо всех сил сдерживала рвущийся наружу смех над самой собой. Ведь я не боялась находиться в одной палате с человеком, заявившим, что я умру от какого-то проклятия. Напротив, я боялась никогда больше его не увидеть.

— С этими ультиматумами ты ведешь плохую игру, женщина, — произнес он с отголоском смеха в голосе, а я уже взялась за дверную ручку. — Я честен и всегда держу свое слово. Люди, не умеющие это делать, всегда проигрывают любое пари, связавшись со мной.

— Человеку можно и передумать, — рассмеялась я. — Просто измени свое слово.

— Ты понимаешь, что, когда мы начнем, пути назад уже не будет?

Мой желудок сжался от волнения:

— Я понимаю.

— И ты понимаешь, что спасти ты меня не сможешь? Это невозможно.

Но я могла бы попробовать его спасти. И попробовать спасти себя.

— Я понимаю.

— Тогда присаживайтесь, доктор Валентайн, и устраивайтесь поудобнее.

— Пожалуйста, зови меня Тед.

— Тед? Так могут звать человека? — произнес он недовольно.

Е-мое.

— Тогда Тедди, если тебе так больше нравится.

— Тедди звучит слишком мягко и ласково. Ты совсем другая.

Ну и дела.

— Тогда Теодора.

— Теодора...

Мое имя скатилась с его языка как соблазняющее зелье, посылающее ток по моим венам.

Нет, Тед. Ты запутываешься все больше.

Несмотря на то, как много эмоций смешалось в моей голове, мне нужно было помнить о том, что он является моим пациентом.

Здесь нет ничего чувственного. Ты. Он. Лечение.

Я прочистила горло, устроилась поудобнее и открыла свой блокнот:

— Начнем, как только ты будешь готов.

Халапеньо — это среднеострый перец с легким привкусом орехов и незабываемой кислинкой.

Депривация (лат. *deprivatio* — потеря, лишение) — сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные потребности — психофизиологические либо социальные

я практически чувствовал в воздухе запах ее возбуждения.

«Нет, Мак!» — осадил я себя. — «Ты не собираешься к ней прикасаться».

Тем не менее, я чувствовал, как во мне тикают часы, будто бы в бомбе замедленного действия. А моя темная сторона всегда побеждала.

Я продолжил:

— В общем, моя жизнь была великолепна, пока мой ублюдочный братец не пришел ко мне со своей просьбой об услуге, которую я оказал ему из чувства вины.

— Итак, ты оказал услугу своему брату. В чем она заключалась? — заерзала Теодора.

Даже в темноте я знал, что она ощущала беспокойство. Но, если бы я смотрел на ее лицо, все стало бы совсем сложно. Так что чем меньше я ее видел, тем лучше. По крайней мере, таковым был мой план. А теперь я не был уверен, что эта чертова идея такая гениальная. Но мне необходимо двигаться дальше и заставить ее увидеть истину.

— Произошедшее далее было отнюдь не самым милым событием в моей жизни, — начал я отвечать на ее вопрос, — скорее, это стало началом бесконечного кошмара, но Драко никогда ничего у меня не просил. Вообще никогда. Ублюдок был для этого слишком горд. Поэтому я не мог ему отказать.

— О чем он тебя попросил?

— Он попросил меня сражаться с ним, пока один из нас не умрет, — ответил я, заметив, что ее тело застыло.

— И ты убил его, — заключила она.

— Да. Драко казнил женщину по имени Хейн. И, к сожалению, ее смерть, даже если была оправдана нашими законами, стала проблемой. Она была той, кого называют Провидцами, Жрицами Света, если так тебе понятнее. Семья этой женщины была очень влиятельной и угрожала гражданской войной, если они не получат голову Драко, но, как я узнал позже, все случилось именно так, как они задумали, и его убийство как раз таки и положило начало этой войне.

Пусть я и не видел лица Теодоры, мне этого было и не нужно, чтобы понять, о чем она думает: «Он конченный псих!».

Конечно, черт возьми. Но не в том плане, милая, о каком подумала ты.

Она немного откинулась на спинку стула:

— Итак, ты преподнёс им его «голову», но это не спасло ваш народ, — в ее голосе ясно звучал скептицизм.

— Тебе трудно поверить в мою историю? — спросил я.

— Честно говоря, все это звучит, как будто ты пересказываешь старые фильмы о каких-то гладиаторах или викингах. О предательствах и боях насмерть.

Викинги? Эти засранцы?

— Уверю тебя, ничего из того, что я сказал сегодня, не является плодом моей фантазии. И для протокола, на самом деле викинги были вовсе не такие впечатляющие, как по телевизору.

Они больше походили на канализационных крыс-переростков с мечами в руках.

Она пропустила мои слова мимо ушей.

— И как ты себя чувствовал после смерти твоего брата? Напомни, как его зовут?

Видимо, она проверяла, как работает мой мозг.

— Драко.

Позже он будет известен в Афинах, как Дра́кон законодатель**, написавший первые законы Афин. Он станет настолько жестоким ублюдком, что его способы борьбы с преступниками стали называть драконовыми мерами. Конечно, сегодня он стал просто Кингом. Просто Кингом, самым самовлюбленным мудаком, которого только носила земля. Как же он выжил? До этого я доберусь, когда наступит подходящий момент.

— Ах, да. Драко, — повторила она его имя. — И как ты себя чувствовал после того, как убил собственного брата?

— А ты как думаешь?

— Это твой рассказ, а не мой. Так что скажи сам! — ее самоуверенный тон начал пробивать крошечные отверстия в стене, которую я так скрупулёзно выстраивал, чтобы хотя бы пока защитить ее от темноты внутри меня.

— Ты уверена, что хочешь это слышать? — спросил я.

— Ты спрашиваешь об одном и том же. Если бы я не хотела тебя слушать, я бы и не слушала. Моего визита ждут еще много пациентов.

— Так я должен быть тебе благодарен?

— Нет. Ты должен ответить на мой вопрос! — отрезала она.

О, Боги! Как же мне хотелось встать, пересечь комнату и отшлепать ее попку. Мне хотелось заткнуть ей рот поцелуем и напомнить, почему она должна быть почтительна и послушна в моем присутствии. Потом я нагнул бы ее над столом и оттрахал до чертиков.

Черт возьми!

Я сжал деревянные ручки кресла, буквально вонзаясь в дерево ногтями.

Все пройдет сложнее, чем я думал.

— Возможно, нам стоит отложить разговор еще на день... — я старался говорить низким и ровным голосом, в то время как мое сердце грозило вырваться из груди, мой член становился все тверже и тверже, а в голове возникали образы ее голой груди и задницы.

Нет. Я не могу пройти через это снова. Все, что мне было необходимо, — это дистанция. Вернее, это нужно было нам обоим.

— Мак, мы заключили сделку. Если ты не хочешь говорить со мной, то не надо, но тогда тебе придется уйти.

Я знал, что это чушь собачья и она хочет, чтобы я остался. Теодора хочет посмотреть, куда это все нас приведет. Просто судьба, как наркотик, сводит нас вместе снова и снова.

— Я жду, Мак! — подтолкнула она меня к разговору. — Либо продолжай, либо уходи.

Я прокашлялся, позволяя Теодоре думать, что она имеет контроль над тем беспорядком, что творится у меня в голове. Для ее же спокойствия. Хотя бы на следующие минут десять.

— В итоге меня захватило очень недружелюбное племя Нордов. Они сделали из меня раба и чуть было не убили.

Эту часть истории я никому не рассказывал, потому что разделять эти страдания казалось мне бессмысленным. Особенно с Мией, которая винила себя во всем, что со мной произошло. Кингу же были

известны только те темные воспоминания, которые ему удалось попросту выкрасть из моей головы.

— Мак? Как ты думаешь, сколько тебе лет?

О, милая, мне было интересно, когда ты об этом спросишь.

~

Тедди

— Ты вообще когда-нибудь что-то слышала о минойцах? — спросил Мак серьезным тоном, а его глубокий голос в наступившей тишине эхом отскочил от белых стен.

Я скрестила ноги и напрягла память. Хотя я и окончила школу уже довольно таки давно, память у меня была отличная.

— Древний Крит. Какой-то там век до нашей эры. Больше ничего не припоминаю.

Пожалуйста, не говори мне, что ты думаешь, будто тебе больше трех тысяч лет. Потому что это сделает тебя еще более сумасшедшим в моих глазах.

— Ты знаешь больше большинства, — сказал Мак, казалось, довольным тоном.

Если бы я захотела, то могла бы окончить школу еще в четырнадцать лет, но я убедила родителей позволить мне остаться еще на год. Не то чтобы я боялась, — потому что такие эмоции были мне неведомы — скорее, мне просто было необходимо время для того, чтобы определиться с выбором карьеры, решая, что мне начать изучать: антропологию или психологию. Я бы даже взялась и за то, и за другое, но две эти специализации изучались в разных университетах.

— Мне следовало бы знать больше, но я не открывала учебник по истории со времен школы. А теперь давай вернемся к...

— Ты не найдешь в них многого о минойцах. Моя цивилизация исчезла после того, как я обезглавил своего любимого короля и бежал с острова. Гражданская война уничтожила большую часть моего народа, а оставшиеся в живых были захвачены континентами.

О, нет! Это то, чего я так боялась.

— Так ты хочешь сказать, что...

— Я родился в 1430 году до нашей эры, плюс минус несколько десятилетий.

Я закашлялась.

Этот мужик считает себя вампиром? Однажды у меня был пациент, помешавшийся на «Сумерках». Он настаивал на том, чтобы его называли Эдвардом, и носил пластиковые клыки. Теперь, конечно же, мне казалось это чертовски забавным.

— Тогда ты понимаешь, сколько тебе сейчас лет? — переспросила я.
— Более трех тысяч.

Скорее всего, Мак проверяет меня, потому что он казался слишком рациональным, чтобы верить в такие фантазии. Или так, или он и правда псих, чего я не исключаю.

— Ты не будешь возражать, если я включу свет? — спросила я. — Я никогда не видела трехтысячелетнего старика.

— Ты глумишься надо мной?

— Нет, — ответила я, понимая, что и правда не глумлюсь. Просто мои эмоции вышли из-под контроля. — Прости, пожалуйста. Это было непрофессионально, но в последнее время я странно себя чувствую.

— Из-за меня?

— Значит, тебе больше трех тысяч лет, — проигнорировала я его вопрос. — Очевидно, это намного больше продолжительности жизни обычного человека, поэтому я предполагаю, что это ненормально и тебе каким-то образом удалось бросить вызов природе.

— Верно, — ответил он сухим тоном. — Но я еще не дошел до этой части истории.

— Хорошо. Тогда продолжай, пожалуйста.

— Если ты не веришь в мой возраст, то ты не поверишь и остальной части моей истории.

Он был прав, и у меня сложилось впечатление, что он неплохо разбирается в людях. Поэтому лесть и потакание было бы совсем не умным решением.

— Тогда убеди меня, — откровенно сказала я, — у нас с тобой есть все время мира.

Мак рассмеялся:

— Ты даже не представляешь, насколько ты права.

расквартирование — предусмотренное законом наказание за измену в Англии с 1283 по 1867 год. Мультимедийная форма казни. Сначала заключенного тянули к месту расстрела лошадью. Потом его подвешивали. Пока он еще был жив, его внутренности вырезали на его глазах, а потом уже стреляли. ”

Дра́кон, или Дра́конт — один из древнейших законодателей Греции. Составил для Афинской республики в 621 году до н. э. первые писанные законы. Свод законов, введенный им, был так суров, что возникло крылатое выражение «драконовы меры», относящееся к чрезвычайно строгим наказаниям.”

Глава 7

Мак

1395 год до н.э.

Куда мы плывем?

Эта мысль была единственной в моей голове, пока я сидел прикованным к мокрой деревянной гребной скамье небольшого парусного судна. Мой желудок был настолько пуст, что мне казалось, он пожирает сам себя, а мое тело борется само с собой, отключая наименее важные органы, лишь бы продлить мне жизнь.

Пустая трата времени. Наверняка, я умру.

Не в состоянии больше чувствовать, как мои кровоточащие руки покрываются нарывами от постоянной гребли, я перестаю грести, тем самым зарабатывая еще несколько ударов плетью по моей спине от ублюдков, держащих меня и еще пятнадцать мужчин в плену. Однако сегодня я не переживу этих ударов, меня ждет только смерть.

Сегодня ночь была темной, словно смоль, а луна и звезды спрятались за грозowymi облаками, предрекающими хаос шаткому судну, которое не годилось для выхода в океан и быстро наполнилось водой.

Я оглянулся через плечо, едва различая силуэты четырех мужчин с ведрами, которые отчаянно пытались бороться с соленой водой, затапливающей их судно.

Опять же пустая трата времени. Неужели они не видят, что боги не хотят, чтобы мы жили?

Мы кочевали в этом океане больше месяца. Наши похитители, скорее всего, подыскивали себе новые земли для грабежа или захвата. Но они были всего лишь жадными дураками. Запасы питьевой воды и продовольствия быстро закончились, а маленького улова рыбы, который мы были в состоянии словить, было недостаточно для такого количества мужчин. Но каждый раз, когда был готов сдаться, я вспоминал, что ношу при себе и прикладывал окровавленную, онемевшую руку к кожаному мешочку, висящему на моей шее. То, что лежало внутри него, с виду было похоже на обычный небольшой камень, поэтому похитители позволили мне оставить его себе. Однако, этот камень был ключом к воскрешению моего брата-близнеца, которого я обезглавил своими собственными руками и непередаваемо в этом раскаивался.

Я закрыл глаза и стал тихо молиться всем богам, чьи имена мне только были известны: «Пожалуйста! Если это моя последняя ночь на земле, умоляю Вас, позвольте этому камню попасть к Мии. Это все, о чем я прошу!»

Я так и не понял, как работает этот камень, но знал, что Миа, любовь всей жизни моего брата, обладала могущественным даром Провидца. Прежде чем он умер от моей руки, Миа привязала его душу к этой земле с помощью этого самого камня, чтобы однажды они смогли снова найти друг друга. Как? Я понятия не имел. Знал только, что камень попал ко мне совершенно случайно, когда я в спешке покидал свой народ, что произошло, по иронии судьбы, по желанию Мии. Она не хотела, чтобы я погиб от рук своих же людей во время бунта из-за смерти моего брата. Поэтому она использовала свой дар, чтобы заставить моих охранников — членов клана, который веками служил правящей семье — покинуть остров вместе со мной. И уже через несколько дней после моего побега я обнаружил камень в корзине со своими вещами. Я изо всех сил боролся со своей стражей, чтобы

вернуться к минойцам, но они находились в подчинении у Мии и не могли сделать ничего, кроме как слушаться ее приказа и везти меня как можно дальше от родного острова. Но все они были убиты людьми, ставшими теперь моими похитителями.

Я стал смеяться, словно сумасшедший.

«О, Боги! Вы, должно быть, действительно презираете меня!» - думал я, пока дождь бил по моему обветренному и ободранному лицу.

Мужчина, сидящий рядом со мной на скамье, схватил меня за плечо. Раньше он был фермером с материка, с огромными мышцами и силой быка, а теперь он напоминал скелет. Я ждал, пока он снова начнет излагать свои нелепые проповеди о надежде, но потом понял, что он просто старается ухватиться хоть за что-нибудь, потому что судно начало переворачиваться.

Боги действительно меня ненавидят.

Почему?

~

Конечно же, моя первая мысль после того, как я пришел в сознание, была о том, что я мертв. Но вряд ли мертвые могли чувствовать, как их лицо и обнаженное тело просто пылают под раскалённым солнцем. Их ребра не пульсировали от боли, а легкие не извергали из себя соленую воду и кровь.

Вдруг я увидел, должно быть, посланную с небес, склонившуюся надо мной красивую обнаженную по пояс девушку с длинными черными волосами, большими карими глазами и темной блестящей кожей. Раньше я никогда не встречал столь прекрасного существа.

— Наконец-то боги решили ниспослать и мне что-то хорошее.

Девушка заговорила со мной на каком-то незнакомом языке и приложила свою ладонь к моей щеке, поглаживая и как бы утешая меня.

Но действительно я усомнился в том, что мертв, только когда услышал раздающиеся неподалеку мужские голоса.

Где же я, черт меня побери?

Спустя несколько секунд появилась группа низкорослых темнокожих

мужчин со странными символами, нарисованными на их телах. Они стали тыкать в меня палками.

— Оставьте меня в покое! — закричал я, хотя понимал, что в их глазах выгляжу, как будто прибыл с другой планеты.

С моим внушительным ростом, даже по меркам моего народа, с серебристо-голубыми глазами и бородой, такой же темной, как и волосы на моей голове, я, должно быть, был первым «белым», которого они увидели в своей жизни.

Они продолжали свой натиск палками, проверяя, не нападу ли я на них, но я был для этого слишком слаб. И, прежде чем потерять сознание, я понял, что они потащили меня в свои джунгли.

Вновь очнувшись, я обнаружил себя лежащим на грубо сплетенном гамаке в маленькой грязевой хижине с костровой ямой посередине. У меня болело все тело, ужасно хотелось пить и есть. Та же милая девушка присела возле меня и приподняла мою голову, поднося к губам глиняную миску с каким-то напитком.

Я стал пить маленькими глотками, пока, наконец, не распробовал вкус. Меня тут же вырвало.

— Во имя богов, что это? — пробормотал я.

Девушка просто улыбнулась и убрала пот с моего лба мягкой тряпкой, пахнувшей ароматными сладкими травами. Я подумал, она решила, что нам нет смысла разговаривать, поскольку мы все равно не поймем друг друга. На самом деле я быстро осваивал новые языки, но сейчас чувствовал себя слишком уставшим, чтобы делать что-то кроме того, чтобы лежать здесь и надеяться на легкую и быструю смерть. Боль была безумной, несмотря на присутствие этой девушки, успокаивающей мою душу. Она излучала тихую и ласковую энергию, к которой я не мог не проникнуться.

Чувствует ли она то же самое?

Я осмотрел взглядом маленькое жилище, странно украшенное шкурами животных, растянутыми на деревянных рамах, и кучей маленьких палочек, связанных веревками в разные символы.

Талисманы.

Наши Провидцы использовали такие безделушки для общения с миром духов.

Я повернулся к ней и заметил, что ее глаза смотрят на меня без страха и вопросов. Как будто она знает то, чего не знаю я.

О, Боги! Так вот кто она такая! Провидица.

Наверное, ее племя так ее не называет, но это не имеет значения. Это Боги решают, чья кровь получит этот дар. Только они решают, кто станет выполнять их волю.

— Ук! Ик! — пробормотала девушка и потянулась за той же маленькой деревянной миской.

Она хотела, чтобы я снова выпил эту гадость.

— Нет, нет, спасибо! — возразил я.

Уж лучше сдохнуть!

— Ук! Ук! Ик! — еще настойчивее повторяла она.

— А тебе не нравится, когда тебе отказывают, — подытожил я.

Девушка же упорно показывала то на миску, то на мой рот, все так же улыбаясь.

— Что ж, думаю, это не яд, — сказал я и послушно склонил голову, мельком посмотрев на ее грудь цвета молочного шоколада и темные ореолы сосков.

Женщины на моем острове большую часть времени ходили обнаженными по пояс, так что видеть обнаженную грудь для меня практически равносильно шее или губам, но что-то в этой девушке будто пленило меня. Даже находясь на смертном одре, я хотел прикоснуться к ней. К каждому миллиметру ее кожи.

Она помогла мне держать голову ровно, пока я пил, а затем уложила меня обратно, погладив по щеке и выглядя довольной от того, что я выпил все до капли.

— Теперь ты счастлива? — пробормотал я, а она уставилась на меня своими большими глазами.

— Щаслива?

— Да, счастлива, — я слегка улыбнулся ей, потому что это было единственным, на что я сейчас был способен.

— Щаслива! — с улыбкой повторила она, жестом велела мне оставаться на месте и покинула хижину, выйдя, наверное, к своим

людям.

Так кто же она? И где я нахожусь?

Я не знал ответов на эти вопросы, но чувствовал, что Боги послали меня сюда, чтобы дать мне спокойно умереть. Но существовало одно «но». Во мне загорелась крошечная искорка желания жить. Что-то в этой девушке заставило мою душу снова загореться внутренним светом.

Глава 7 Часть 2

~

В течение следующих нескольких недель я видел эту девушку максимум пару раз в день, а когда она уходила, то скучал по ней и по ее роскошному на вид телу. Когда она приходила в хижину для того, чтобы развести костер, приносила воду или еду (странное на вид месиво из мяса какого-то непонятного животного), то смотрела на меня таким взглядом, каким женщины смотрят на мужчин, когда желают разделить с ними постель. Да, об этой стороне женщин я знал не понаслышке. Доставлять женщинам удовольствие было одним из моих любимых времяпрепровождений на острове. Другим было пить вино. Именно поэтому мой народ любил не меня, а моего брата. Он заботился о них, помогал, защищал. А я? У нас с Драко были идентичные глаза, волосы, да и вообще внешность, но на этом наше сходство заканчивалось.

Что же касается хозяйки моего временного жилья на этой новой земле, я пытался узнать ее имя, но это было бесполезно. Она лишь смотрела на меня своими необыкновенными карими глазами. Такими соблазнительными. Но, честно говоря, как бы мне ни хотелось остаться и продолжать искать способ общаться с ней, мне пришлось столкнуться с неизбежными фактами. Благодаря ее дару исцеления я становился все сильнее, а это означало, что я должен был попытаться вернуться к минойцам. Ведь я все еще рассчитывал на искупление, ведь, возможно, сейчас измученная душа моего брата скитается где-то между небесами и нашим миром. И возможно, что, если я не верну камень Мии, мой брат никогда не вернется. Я не мог этого допустить.

Не важно, что для этого потребуется, но я верну своего брата. Да, я

убил его, поддавшись его словам, но мне нужно было сказать «нет». Нужно было уговорить его сразиться с семьей Хейн, сказать, что я всегда поддержу его. Но нет. Я, как дурак, дурак, которым всегда был, позволил ему решить все за меня.

На двадцатый день моего пребывания в этой хижине ко мне, как обычно, пришла моя очаровательная целительница и села рядом на небольшой стул. С привычной улыбкой она протянула мне миску с едой.

— Я не хочу есть, — я мягко отодвинул ее руку. — Мне нужна лодка.

Девушка вопросительно на меня посмотрела.

— Лодка! — повторил я и встал.

Она воспользовалась тем, что с моей талии соскользнул кусок ткани, чтобы мельком взглянуть на мое мужское достоинство. Я не солгу, когда скажу, что она выглядела довольной увиденным, и мое эго этим возгордилось.

Я снова повязал ткань вокруг своих бедер и, подняв какую-то валяющуюся ветку, стал рисовать ей на земле лодку, а под ней нарисовал волны и рыбу. Когда девушка поняла, что я имею в виду, на ее лице отразилось разочарование.

— Лотка... — повторила она.

Я кивнул:

— Да, лодка. Мне нужно попасть обратно домой, — я нарисовал полукруг, подразумевая остров, и домик на нем, а рядом фигурки людей. — Дом.

В ее глазах ясно читалось недоумение и размышление, а мне сейчас больше чем когда-либо хотелось объяснить, как я благодарен ей за помощь, насколько она для меня особенная. Ведь она спасла мне жизнь и ничего не просила взамен.

Когда она встала, я решил, что она собирается пойти поговорить со старейшинами деревни, но она никуда не ушла. Девушка развязала ткань, ниспадавшую с ее талии, и бросила на пол. Когда я увидел мягкие манящие изгибы ее бедер и темные волосы между ее ног, то мог только тяжело вздохнуть, думая о том, что не должен даже прикасаться к ней. Ведь я даже ничего не знаю об их народе и их обычаях. Но, когда она протянула руку и, отодвинув набедренную

повязку, провела пальцами по моему члену, все мои запасы стойкости иссякли.

Притянув ее к себе за затылок, я стал целовать ее с таким напором, которого сам от себя не ожидал в виду моего ослабленного состояния. Но этот поцелуй, как и сама девушка, был совершенно необычным. Когда я почувствовал в своем рту ее вкус, втянул в легкие ее запах, что-то внутри меня как будто взорвалось, заполняя душу светом и блокируя весь остальной мир. Остались только она и я, и больше ничто не имело значения.

Где она была всю мою жизнь?

Мне казалось, что она – это тот самый смысл моего существования, о котором я даже не подозревал. И я верил, что по отношению ко мне она чувствует то же самое.

Наш поцелуй быстро превратился в дикий шквал прикосновений. Наши тела касались друг друга, а руки исследовали.

Боги, разве могла ее кожа быть более мягкой, а грудь более идеальной?

Каждая частичка ее тела, к которой я прикасался, будь то ее попа, бедра или нежнейшие складочки между ног, были гребаным совершенством.

Она прервала очередной наш поцелуй и встала на колени, явно намереваясь взять мой член в рот, в чем я никогда не отказывал женщинам. Но это было совсем не то, чего я жаждал. Мне просто необходимо было оказаться внутри нее, почувствовать связь наших тел.

Я взял ее за плечи и осторожно помог подняться.

— Такая женщина, как ты, не должна преклонять колени перед таким мужчиной, как я! — Я знал, что она не понимает моего языка, но надеялся, что она чувствует все, что я хотел сказать, что я чувствую.

Я уложил ее на импровизированную постель, на которой лежал так долго, а затем расположился между ее бедрами и, не теряя времени, провел головкой моего члена по входу в ее лоно.

Боги, она была уже абсолютно готова, о чем говорила ее влажность, дрожь и сжимающиеся бедра.

Вновь сплетаясь с ней в жарком поцелуе, я вонзился в ее тело, и она

вскрикнула. Я сразу же понял, почему.

Девственница?!

— Прости меня, — прошептал я, выходя из нее.

Мысль о том, что она может быть девственницей, не приходила мне в голову. Девушка была не такой уж и юной, а временами мне казалось, что она старше меня лет так на пять. На моем острове у женщин ее возраста было по одному, а то и по два ребенка.

Смотря мне в глаза, девушка провела руками по моим плечам, спине и, дойдя до задницы, надавила на мои бедра, призывая войти в нее снова.

— Я не хочу причинить тебе боль. — Я надеялся, что она поймет, ведь мой размер был отнюдь не таким, что понравится женщине в ее первый раз.

Она нежно улыбнулась, будто говоря, что это именно то, чего она действительно хочет. И я был бы не я, если бы устоял перед таким приглашением. Я погружался в нее медленно, растягивая и заполняя, сантиметр за сантиметром. Она же сладко стонала мне в ухо и подавалась бедрами вперед, чтобы я мог войти еще глубже.

Откинувшись на подушки, она посмотрела в мои глаза, а я гадал, о чем она думает. Что вообще она могла увидеть в таком человеке, как я? Выброшенном на берег с разбитым, истощенным, почти мертвым телом?

Я не знал ответа на этот вопрос. Все, что я знал, — это то, что она заставляла меня чувствовать то, как внутри меня разливается теплота и желание ее ощущать.

Закрыв глаза, мы перешли на медленный, чувственный ритм, сливаясь душами. То, как наши тела и души соединились в одно, было похожем на волшебство. Мое сердце стало покалывать от ощущения, что я вбираю в себя частичку ее света, а она втягивает в себя частичку моей души. Единственное, что я могу еще сказать, это то, что эта девушка оказалась чистым экстазом, светом, греховным удовольствием и в то же время моей радостью.

Она была готовой, но такой узкой, что мне не потребовалось много времени для того, чтобы я почувствовал, что вот-вот взорвусь. И, как будто понимая это, она впилась ногтями в мои ягодицы, убыстряя темп, подталкивая войти в нее настолько глубоко, насколько я был

способен. Кончив в нее, я не стал выходить, заставив себя продолжать, пока она не выгнулась и не закричала от нахлынувшего на нее экстаза.

Наконец, после долгого отдыха в объятиях друг друга я обтер свое потное тело простыней, посмотрел в окно и обнаружил, что снаружи уже был вечер. То, что нам казалось минутами, на самом деле было часами.

Я посмотрел на девушку и погладил ее по щеке:

— Кто же ты такая? — прошептал я.

— Щаслива, — ответила она.

Хэппи. Это было идеальное имя для Провидца с другого края земли, которая сделала меня счастливым.

~

На следующее утро я, как обычно, остался один, но скучал по ней больше, чем когда-либо. Скучал по ее глазам, по ее сладкому запаху и по ее улыбке. Я понял, что пока нахожусь рядом с ней, то впервые чувствую, что мне есть, на что надеяться, и для меня еще не все потеряно. Однако, другая часть моей души знала, что это невозможно. Я был чужаком, нежеланным гостем в их деревне.

— Лотка! — услышал я знакомый голос у порога.

Я поднял глаза и увидел, как моя богиня протягивает мне несколько меховых шкур и три больших свертка, перевязанных бечевкой.

— Лотка! — повторила она, призывая меня пошевеливаться.

— У тебя получилось? — спросил я вставая.

— Кооотен! — чуть ли не закричала она, пихая мне в руки принесенные вещи.

Видимо все, что она делает, было отнюдь не с благословения ее племени.

— У тебя будут неприятности... — резюмировал я, хотя, конечно, она не понимала моих слов.

В ответ она схватила меня за руку и потянула за собой.

— Нет! Я не хочу, чтобы ты совершала подобное из-за меня.

Я понятия не имел, ее племя мирное или все-таки дикое. Возможно, ей придется отвечать за свой поступок, и в этот раз они будут использовать не просто палки, которыми тыкали меня, когда я оказался выброшенным на их берег.

— Нет! — твердо повторил я, а поскольку я был намного выше и сильнее, ее попытки сдвинуть меня с места провалились.

Мне не хотелось добавлять к своей душе еще одно черное пятно или ставить его на душу другого человека.

Внезапно откуда-то из джунглей послышались мужские голоса.

Взгляд девушки наполнился паникой.

— Кооотееен! — закричала она.

— Я поговорю с ними. Я скажу им, что ты не имеешь к этому никакого отношения.

Расстроенная тем, что я не делаю даже шага, она вздохнула и, взяв меня за руку, прижала мою ладонь к моей груди, а затем переплела наши пальцы.

— Щаслива... — произнесла она, и я подумал, не говорит ли она мне всем этим о том, что хочет пойти со мной.

Я не мог этого допустить. Было очень мало шансов на то, что какая-то лодчонка пересечет океан. Я не мог подвергнуть девушку такой опасности.

Убрав ее руку, я дотронулся ладонью до ее груди:

— Ты должна остаться здесь!

Она заморгала, а потом, практически зарывав, оттолкнула меня и, повернувшись, побежала прочь.

— Вот проклятье! Женщина, ты куда?

Я побежал за ней, двигаясь так быстро, насколько мог, с удивительной проворностью ныряя под густые ветки и лианы. Но, поскольку я был еще слаб, моя скорость была сравнима со скоростью беременной коровы. Стараясь не потерять ее следы на влажной земле, я наконец выбежал из джунглей и оказался на песчаном берегу, а девушка уже добежала до узенькой рыбацкой лодки и, увидев меня, стала жестикулировать, подзывая подойти к ней. На секунду я поднял глаза к небу, собираясь с мыслями, а потом поспешил к лодке.

Добравшись до нее, я снова услышал голоса. Я посмотрел через плечо и увидел, как к нам направляется толпа темнокожих мужчин с копьями в руках.

Вот блядь! Это не хорошо!

Хэппи отчаянно закричала, и мне пришлось делать выбор. Если мы попытаемся пересечь океан, то она, скорее всего, умрет. Если она останется, то я, скорее всего, смогу убедить этих людей, что это не ее вина. Возможно, я заставлю их думать, что я как-то смог ее околдовать.

Я вцепился в лодку, мешая ее движению. В глазах Хэппи отразились непонимание и боль.

— Прости. Я не могу взять тебя с собой. Ты дорога мне.

Я знал, что она все равно не сможет меня понять, но, когда эти люди окружили нас, я понял, что снова совершил ошибку.

Глава 8

Тедди

Почему он замолчал? Какого хрена... он... замолчал?

Я поняла, что, ерзая от нетерпения, оказалась почти на краю стула в ожидании продолжения его рассказа. Очевидно, что все это было вымыслом, но, когда он ткал этот вымысел своим глубоким, гипнотическим голосом, я будто бы оказывалась в совершенно другом месте и времени. Я представляла и видела все, о чем он рассказывал, а также чувствовала то, чего чувствовать не могла. Например, земляной запах джунглей, густую листву на деревьях, солнечный свет, просачивающийся сквозь кроны, как будто бы я была там, вместе с ним. То мое сердце начинало бешено колотиться в груди, то ладони начинали потеть, и создавалось ощущение, будто меня разрывает на части. А секс?

Господи, он решил применить ко мне пытки?

У меня чуть слюни не потекли на колени. Нет, он не вдавался в подробности, но в этом и не было необходимости. Как я уже сказала, мой разум настолько проникся его «воспоминаниями», что, если даже

он и не описывал абсолютно все, мое воображение все равно дорисовывало остальное.

Ты идиотка, Тедди. История же выдуманная, в отличие хотя бы от того сыра, что ты ела вчера.

Но, даже несмотря на это, мое сердце действительно болело за эту пару.

Я откашлялась и откинулась на спинку стула, собираясь с мыслями.

— Так что же произошло дальше? — спросила я, но в моем голосе звучало намного больше отчаяния, чем мне бы того хотелось.

Он ответил не сразу:

— Ты уверена, что хочешь слушать дальше?

— Я же спрашиваю.

— Как я посмотрю, ты любишь дерзить.

Мне и правда не хватало опыта в искусстве дипломатии. Для того, чтобы преуспеть в этом деле, человеку просто необходимо было чувствовать и подстраиваться под чужие эмоции. Но, что бы ни происходило, я не собиралась кому бы то ни было рассказывать о своей проблеме.

— Да. Не меняй тему.

Он встал со стула, и я испугалась, несмотря на то, что сидела очень близко к выходу. Я собиралась встать и выйти за дверь, но Мак отошел еще дальше от меня, к окну.

— Я не меняю тему, — произнес он тихим, задумчивым голосом. — Я просто джентльмен и предупреждаю, что остальная часть истории будет неприятна. Он приоткрыл занавеску и посмотрел на сливовое дерево, растущее в саду, чем разрушил интимный кокон нашего маленького мира, проливая солнечный свет на кафельный пол и белые стены больничной палаты.

Мой взгляд сфокусировался, и я глубоко вздохнула.

О, мой Бог! Свет, озаривший тело Мака, был подобен чувственной ауре, что дало мне возможность рассмотреть его богоподобный мужественный силуэт. Мак был высок. У него были широкие и мощные плечи, мускулистый торс, а под джинсами скрывалась соблазнительная задница. Волосы на его голове будто бы выгорели

на солнце и были достаточно длинными, чтобы запустить в них пальцы, пока мы трахаемся, как два изголодавшихся друг по другу зверя, которым осталось жить всего несколько часов, а они стремятся насытиться друг другом.

Я опустила взгляд.

Вот блин. Какого черта я думаю об этом? Я имею в виду про несколько оставшихся часов, потому что со зверями все ясно.

Этот парень был огромен. Хотя «огромен» — это неподходящее слово. Он был создан, чтобы привлекать внимание. Наверное, когда он входит в комнату, все мужчины видят в нем угрозу, а женщинам становится любопытно — под одеждой он так же хорош, как и в ней?

Когда я снова подняла на него глаза, то увидела, как он стоит, приложив ладонь к стеклу и смотря куда-то вдаль. Тогда-то я и заметила, что на его бицепсах были четко видны вытатуированные символы, даты и знаки.

— Что означают эти татуировки? — спросила я.

— Я думал, ты хочешь знать, что произошло дальше в моей истории.

— Я не могу спросить о нескольких вещах?

— Спросить ты можешь... — ответил он тоном, который подразумевал, что он может и не ответить.

Пиллюля. Он просто секс-пиллюля.

— Я выбираю историю. Твой боди-арт может денек и подождать.

Мощные плечи Мака поднялись и опустились, когда он мучительно вздохнул. Затем он зашторил окно, возвращая нас в свой мир тьмы. Но теперь я жаждала увидеть его лицо. Жаждала узнать, хороша ли его внешность так же, как и его тело. Он повернулся и сел обратно на свой стул, а я находилась в таком нетерпении, будто щенок, который ожидает следующий кусок лакомства.

— Ну! — подтолкнула его я. — Что же произошло дальше?

— А как думаешь ты?

Тьфу! Он играет со мной!

— Я не знаю, Мак. Поэтому и спрашиваю.

До меня донеслось недовольное бурчание. Но, в конце концов, я

получила то, что хотела.

— Они разлучили нас. Меня вернули в ту хижину на окраине острова и приставили к дверям несколько охранников. Ее увели в другое место. Следующие несколько недель я умолял их позволить мне увидеть ее, но казалось, что они интересуются исключительно мной. Они разговаривали со мной и задавали всяческие вопросы. Мы обменивались словами на наших языках, и я узнал все, что мог, с помощью своеобразной игры. Я проводил пальцами по ладоням, притворялся мертвым или брал что-то в руки, а они озвучивали мои действия на своем языке, как будто мы играли в Шарады. Учитывая то, как мне даются языки, я освоил все довольно быстро.

— Сколькими языками ты владеешь? — спросила я.

— Шестнадцатью.

Чертовски много!

— Мне казалось, ты сказал, что родом с небольшого острова.

— Наш остров славился нашими мастерами и их изделиями из металла и керамики. Мы торговали с Дальним Востоком. И, в действительности, я говорил почти на двадцати языках, если брать в расчет диалекты близлежащих деревень.

— Впечатляет!

— Едва ли. Это мой отец настоял на том, чтобы я учился языкам, чтению, письму, математике и конечно же борьбе, чтобы в будущем мог стать хорошим помощником для моего брата. Как видишь, все крутилось вокруг него.

Я помнила о том, как Мак бросил все после смерти родителей и чувствовал себя настолько виноватым, что не смог отказать Драко в его просьбе.

— Так ты стал понимать язык Хэппи?

— Со временем я смог общаться с ними и узнал, что на самом деле ее звали Олла.

Произнесенное им имя звучало сладко и было похожим на название какого-то декадентского десерта.

— Я попросил разрешения увидеть ее, но вместо этого ко мне пришел ее отец, Кан.

— Полагаю, он совсем не обрадовался.

— Он был не из тех людей, кому бы ты хотела перейти дорогу.

— И, учитывая преступление, которое я совершил, я был удивлен, что они не казнили меня сразу. Или не вырвали мои органы, приковав к алтарю, чтобы успокоить богов.

— За что? За кражу лодки?

— Нет. На лодку, как оказалось, им было плевать. Кан оказался их королем, а Олла считалась неприкосновенной из-за ее дара. Собственность богов. Я осквернил ее в их глазах.

Черт. Теперь я начала понимать, почему эта история не закончится хэппи эндом. Каламбур.

— Итак. Ты покусился на то, что тебе не принадлежало...

— Следующие несколько месяцев мы очень сблизились с Каном. Хотя это была странная дружба. Они ждали дня равноденствия, чтобы принести жертвы богам и искупить свои грехи. Кан постоянно спрашивал меня о местах, в которых я побывал с бандитами на их судне, о людях, которые мне встречались во время моего путешествия. Он также рассказывал мне и о своей родословной, о дарах, которые им послали Боги. Каждый день я умолял позволить мне встретиться с Оллой, но мне отвечали, что время для этого еще не пришло.

По моей коже побежали мурашки, когда я поняла, куда это все ведет.

— По иронии судьбы я чем-то заразился. Скорее всего, малярией. Я не дождался дня равноденствия, но перед моей смертью Кан пообещал похоронить меня вместе с Артефактом, тем камнем, который я так и хранил при себе. Я надеялся, что в будущем кто-нибудь найдет его, а боги довершат остальное, вернув его Мие.

— Кан проявил великодушие.

— Просто я угрожал принести им голод и несчастья, если он не поможет моему духу спокойно отойти в мир иной.

— Ты больше не видел Оллу? — спросила я и почувствовала странный всплеск отчаяния, когда он вдруг замолчал.

— Да, — наконец ответил он, почти торжественно. — Должно быть, она узнала, что я умираю и смогла освободиться. Последнее, что я

видел, было ее прекрасное лицо, склонившееся над моим. Я сказал ей, что люблю ее, а потом случилось это.

— Что?

— Ураган из криков, борьбы и крови... — Мак тяжело вздохнул. — Ее отец перерезал ей горло в полуметре от моего лица, крича, что ее непослушание оскорбляет богов и принесет одни страдания их народу.

Боже! От ужаса и удивления я забыла, как дышать.

— Я был слишком слаб, чтобы сделать что-то кроме того, как просто смотреть, как кровь льется из ее шеи, стекая на мое лицо, но внутри себя я заживо сгорал от охватившей меня агонии. Кан продолжал кричать на нее и на меня, обвиняя за то, что ему пришлось убить собственную дочь. Он сказал, что я буду вечно ходить по этой земле, ощущая эту боль. Но больше всего мне запомнились слова Оллы. Думаю, тогда я и понял, что слова Кана были не угрозой, а правдой, как и ее слова.

— Что она тебе сказала? — прошептала я, осознавая, что снова сижу на краю стула.

— Она сказала: «Я найду тебя. Чего бы мне это ни стоило. Моя душа не успокоится, пока я не найду и не освобожу тебя». Потом она умерла.

В этот раз Мак замолчал слишком надолго, возможно, собираясь с духом, прежде чем продолжить. Я же была просто в ужасе.

— А вся ирония заключается в том, что, спустя некоторое время, люди из клана, который благодаря мистическому дару Мии должен был охранять меня, прибыли на этот остров, но опоздали на несколько людей, потеряв мой след. Конечно, если бы они успели, Олла, вероятнее всего, была бы жива. Все-таки я считаю, что так меня наказали боги.

Глава 9

Тедди

Я не знаю, сколько просидела рядом с Маком в полной тишине,

пытаясь очистить свое сознание от трагедии, которая в нем развернулась. Она впиталась в мою кожу, проникла в мои легкие и стала подкатывать тошнотворными волнами к моему горлу.

Но почему?

Естественно, я смотрела фильмы ужасов, читала трагические любовные романы и выуживала из мозга подопытных в колледже очень многое, и я не была эмоционально неустойчивой, но сегодня, наполненная этими странными эмоциями, я чувствовала, как эта история проникла вглубь меня, как разъедающий мою кровь вирус.

— Мне нужно передохнуть... — нарушила я тишину, встала и направилась к двери, думая, как далеко смогу уйти, прежде чем меня вырвет.

Выйдя в коридор, я прислонила ладони к стене и наклонила голову к груди. Живот сжимали болезненные судороги, а голова кружилась. Вдруг я почувствовала, будто бы за моей спиной кто-то стоит, дыша прямо в мой затылок, но, повернувшись, увидела, что коридор абсолютно пуст.

Блядь! Что со мной?

Внезапно коридор стал вращаться перед моими глазами. Все быстрее и быстрее. Из стен как будто стала вытекать краска. Синяя, красная...

Дышать становилось все труднее и труднее, а потом я почувствовала, как мир вокруг накрывает тьма, а я падаю.

~

Два дня спустя

Мне снилось, что я вновь спускаюсь с того же холма. Только теперь небо закрыли почти черные грозовые тучи, а мое тело дрожало от ледяного дождя.

Это не он! Не он! Боже милостивый, пусть он выглядит, как его копия, но это не он.

Убегая, я могла думать только о том, что совершила ужаснейшую ошибку. Остановившись для того, чтобы передохнуть, я убрала руку с раны на животе и увидела, что на моем одеянии, которое больше походило на мешок из-под картофеля, алело огромное кровавое

пятно. Я знала, что скоро умру, но продолжала бежать. От него. От мужчины с ярко-голубыми глазами, который явно был не тем, кем казался.

Споткнувшись, я упала лицом прямо в грязь.

Как же больно, Господи!

Я попыталась подняться на ноги, но вновь и вновь падала, скользя по грязи.

— Ты чертова маленькая сучка! — произнес глубокий мужской голос позади меня, а потом этот ублюдок схватил меня за волосы и перевернул к себе лицом.

— Нет, пожалуйста! — умоляла я сохранить мне жизнь.

Он смотрел на меня с отвращением и яростью, его лицо было покрыто кровью, а холодные голубые глаза, казалось, смотрели прямо в душу.

— Ты думаешь, что можешь забрать его у меня? — зарычал он. — Думаешь, что можешь лишить меня брата? Никто не отберет то, что принадлежит мне.

Он поднял вторую руку и вонзил в мою шею сверкающий серебряный клинок.

— Черт! — закричала я, вскакивая с кровати и вытирая пот, покрывающий мое лицо, да и все тело.

Господи!

Мой взгляд устремился к полоске света, пробивающейся через дверь, ведущую в коридор. Неистово я стала разглядывать свою ночную рубашку в поисках кровавых пятен.

Все в порядке. Я в безопасности. Я дома.

Справа стоит моя белая прикроватная тумбочка. Над белым креслом в углу комнаты, в котором я постоянно читаю, висит фотография моих родителей. А рядом с креслом находится раздвижная дверь, которая ведет на балкон из красного дерева с видом на океан.

Я глубоко вздохнула и окончательно поняла, что это был всего лишь сон. Правда, в этот раз все было чересчур ярко, чересчур натурально. Каждая деталь, вплоть до текстуры грязи под моим лицом, капель дождя, похожих на укусы маленьких насекомых, и тошнотворного

чувства в моем животе.

Блин, блин, блин!

Мне нужно было встать и хоть немного пройтись. Уже второй день я не вылезала из постели, находясь то в полусонном, то в полуиспуганном состоянии. Странные сны не прекращались. Я села на край кровати и, пошатываясь, встала, чувствуя себя будто бы под дурманом. Проковыляв мимо ванны, я зашла в кухню и наполнила стакан, стоящий на краю раковины, холодной водой из крана с фильтром.

Я пила и пила, борясь с тошнотой, преследующей меня эти дни. Еще немного, и я могла бы загреметь в больницу с обезвоживанием.

Все в порядке, Тедди. Это всего лишь простуда. Ты выживешь.

Я допила воду и, открыв холодильник, посмотрела на хлеб.

Черт!

Я была так голодна, но мой желудок просто отказывался принимать пищу. Наверное, к счастью, в моем теле присутствовали запасы жира. В смысле, я никогда не была суперхудой, и меня не волновало мнение окружающих людей по поводу моей внешности. Неужели это может измениться?

Единственное, что для меня всегда было важным, — это мое здоровье. И здоровье моих пациентов.

Ты имеешь в виду Мака.

Ладно, я и правда думала о Маке. Спустя несколько минут после того, как я выбежала из его палаты, мое самочувствие резко ухудшилось. Ухудшилось настолько, что Шеннон пришлось отвезти меня домой на своей машине, когда моя осталась на парковке у Центра.

Дойдя до ванны, я сходила в туалет, почистила зубы и умылась. Я всегда была чистоплотной и ненавидела грязь, но сегодня это ощущение было в разы сильнее. Этот ужасный сон, полный грязи и крови, заставил меня особенно сильно желать принять душ. Если бы только я могла достаточно долго простоять на ногах.

Я забралась обратно в свою кровать, благодаря всевышнего за то, что моя голова перестала кружиться.

— Думаешь, ты так легко от меня избавишься? — донесся до меня глубокий голос из угла тускло освещенной комнаты.

— О, черт! — я снова села и уставилась на мощную фигуру, сидящую в кресле всего в метре от кровати.

— Кто ты? — вскрикнула я и инстинктивно прикрыла шею рукой, будто бы это может меня защитить.

— Разве ты не узнаешь меня, женщина? — он включил лампу для чтения, стоящую рядом с креслом.

Черт! Черт! Эти серебристо-голубые глаза!

Те же, что и в моих снах. С этой бородкой и щетиной этот человек выглядел точно так, как Мак описывал себя в этой истории.

Я не могла понять, что происходит.

— Что, черт возьми, происходит? — озвучила я свой вопрос.

— Позволь мне ответить на этот вопрос, Олла. Меня зовут Кинг. И я здесь для того, чтобы остановить тебя, как и в последние пять раз, когда ты приходила за моим братом. Никто не отберет то, что принадлежит мне.

Олла?

Я снова провалилась во тьму...

Глава 10

Тедди

— Отвали от нее, Кинг! — женский крик доносился до меня как будто сквозь какую-то пелену.

— Возвращайся в машину. Тебя это не касается, Миа! — приказал мужчина тоном, который явно говорил о том, что он привык, чтобы все его приказы исполнялись.

Я слышала шлепок, похожий на пощечину.

— Ну-ка скажи это еще раз! Только посмей, блядь, это повторить!

— Женщина! Ты уже исчерпала все мое терпение по самое не балуй, но продолжаешь испытывать его на прочность!

— Нет, это ты испытываешь мое терпение! Мы договорились, что с этим покончено! Иначе я бы не стала возвращать тебя из самого Ада, чтобы ты и дальше продолжал пытаться, кого захочешь. А теперь отойди от этой женщины, или я действительно вернусь в машину, но ни меня, ни Архонта ты больше не увидишь!

— Ты угрожаешь мне, жена? Думаю, ты совсем забыла, кто я такой!

— Забыла? Как я могу забыть? Я смотрю на самого сексуального мужчину на планете. Я уже вся мокрая.

— Блядь, Миа... — тембр мужского голоса стал низким и рычащим,
— ... я чертовски тебя хочу.

До меня стали доноситься звуки поцелуев, шлепков, посасывания и расстегиваемой ширинки.

— Повернись и нагнись. Я хочу увидеть твою...

Тут я не смогла больше сдерживать себя и застонала от смущения. Ну, и от отвращения. Ибо какого хрена эти люди собрались трахаться прямо у меня в спальне, пока я валяюсь здесь, как побитая собака?

— Она очнулась, — констатировала женщина. — Приведи себя в порядок.

— Нет. Я слишком тверд и с этим нужно что-то сделать. Ты обещала не отказывать мне, Миа.

— О, прекрати, Кинг! Смотри, что ты наделал.

— Для меня это выглядит сексуально.

— Лактация — это тебе не прелюдия, знаешь ли. Сходи проверь, как там ребенок.

— Архонт в порядке. Он сейчас с Арно.

— Я не доверяю ни одному человеку, носящему фамилию Спирос. Доверившись им в прошлый раз, я умерла. Зачем ты снова нанял его? Умерла? Я галлюцинирую?

— Потому что я не тот мужчина, что станет спрашивать разрешения у женщины! — ответил он.

— Да неужели? — она вздохнула. — Сходи и посмотри, как там наш сын, пожалуйста, — добавила она.

— Ладно. Но мы не закончили, Миа. Ты должна мне страстный секс у

стола...

Секс у стола?

— Хорошо. А теперь иди!

— Обещаешь?

— Я когда-нибудь тебя обманывала?

— Превосходно! — произнес он голосом, наполненным похотью. — Сегодняшний вечер выйдет лучше, чем я рассчитывал. Исключая тот факт, что ты не позволила мне прикончить палача моего брата. Это раздражает, но мы еще обсудим это вечером.

По тяжелым удаляющимся шагам я поняла, что мужчина все-таки уходит.

— Солнышко, ты меня слышишь? — спросила женщина, поглаживая ладонью мою щеку.

— Кто ты такая? — я пытаюсь сосредоточиться на молодой блондинке, сидящей на краю моей кровати.

Она была одета в коричневую кожаную куртку, а ее волосы были зачесаны назад. Это были единственные детали, на которых я могла хоть как-то сосредоточиться.

— Меня зовут Миа. Я свояченица Мака.

Миа из его рассказа?

Но то, что она и правда существует, не делает правдой остальную часть истории.

— Что ты делаешь в моем доме?

— Нам нужно найти Мака раньше, чем он встретится с тобой.

Чего?

— Не поняла...

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь себя просто отвратительно, но нам нужно знать, виделись ли вы.

— Виделись с кем? — я решила включить «дурочку».

Повисло молчание.

— Мак. Такой высокий блондин с типично американской

внешностью, дурацкой улыбкой и множеством татуировок.

Мак, которого знала я, еще ни разу мне не улыбнулся.

— Я не знакома с этим парнем, — солгала я. — Что ты делаешь в моем доме? — повторила я.

— Если мы не найдем его раньше тебя, то он умрет. И на этот раз окончательно, потому что мы в курсе того, что он снял свое ожерелье.

Что, черт возьми, это значит?

— Пожалуйста, Теодора, скажи мне, виделись ли вы?

Я не знала, что ей ответить, поэтому просто решила держать рот на замке.

Возможно, это и были те люди, которых упоминал Мак, сказав, что кто-то его ищет.

В любом случае, это было как-то странно и бессмысленно. Ведь очевидно, что они не знают, что он находится в моем Центре, так с чего они связывают нас?

— Почему ты решила, что я его знаю? — спросила я. — И почему я должна захотеть кого-то убить?

— По словам моего супруга, вы знакомы с Маком уже более трех тысяч лет. Ты всегда его находишь, а потом пытаешься убить. О, и ты тоже в него влюблена.

Тоже? У меня опять галлюцинации?

Глава 11

Тедди

Я смотрела на то, как неприлично красивая блондинка по имени Миа (очень, кстати, похожая на Скарлет Йохансон) хозяйничала на моей кухне и ругалась на то, что у меня из еды нет «ничего человеческого». Подогрев консервированный суп и сделав несколько тостов, она стала уговаривать меня поесть, объясняя, что мое плохое самочувствие пройдет, как только я начну принимать правду.

«Принимать правду».

Пффф. Очевидно, эта девушка была под чем-то. Под каким-то хардкорным антипсихотическим средством. Для меня, например, таким средством всегда была текила.

— Со мной происходило то же самое, Теодора. Я обещаю, что станет лучше.

— В каком смысле то же самое? — заинтересовалась я.

— Я Провидец. И ты понятия не имеешь, как я рада, что нашла тебя, потому что мы, скорее всего, остались последними Провидцами на земле. Не могу дождаться, когда мы увидим, на что ты способна. О, когда ты начнешь видеть цвета, не бойся, а постарайся просто принять их.

Да, во время нашего сеанса с Маком я видела цвета, проступающие на стене, как на картинах Уорхола, но это был результат перегрузки моей нервной системы. Не видя смысла в споре с больным человеком, я просто кивнула. Вскоре она ушла, обещая вернуться, чтобы проверить мое самочувствие. Миа сказала, что я не должна бояться ее мужа, даже если этот здоровяк будет слоняться у моего дома.

Конечно же. Я ведь не должна испытывать тревогу по отношению к человеку, который всего лишь угрожал меня убить, да еще и говорил, что уже делал это несколько раз раньше, потому что считал меня реинкарнацией Оллы. К тому же он верил в то, что они с Маком были братьями не только в этом мире, но и три тысячи лет назад, в древней Греции.

«Окей».

Я глубоко вдохнула.

Пока одна часть моего мозга верила в то, что Кинг и Миа заслуживают быть запертыми в психушке, потому что они оба были сумасшедшими: он — с желанием меня убить, а она, ну... с желанием приготовить суп — другая часть подкидывала темные и мрачные мысли в мою пульсирующую от боли голову.

В итоге я понимала, что вещам, которые со мной происходили, не найти рационального объяснения. Например, мои сны. Кинг был похож на того мужчину, от которого я убегала в этих снах. Вернее, он не был на него похож. Это и был он.

«Но как это возможно, черт возьми?!»

Лежа в кровати и уставившись в потолок, я не могла перестать думать об этом.

Часы на тумбочке показывали час ночи, и, несмотря на то, что у меня не было под рукой машины, мне просто необходимо было увидеть Мака.

Я встала с кровати и, подойдя к шкафу, вытащила из него длинный темный свитер и черные джинсы. Если у моего дома и правда дежурил тот злобный мужик, единственным шансом улизнуть было проскользнуть через заднюю дверь. Я просто надеялась, что никто не следит за той частью дома, потому что они уверены — в таком состоянии я не стану предпринимать попыток куда-нибудь уйти.

Чувствуя себя подобно собаке в раскачивающейся лодке, я побрела в ванную, кое-как вставила контактные линзы, затем схватила свой кошелек и направилась к раздвижным стеклянным дверям. Пока я спускалась по деревянной лестнице к пляжу, мое дрожащее тело бросало в пот.

«Просто дыши, дыши. Все будет хорошо!»

Чтобы вызвать такси, мне придется пройти около полумили, а эта ночь выдалась особенно темной и холодной, не говоря уже о ледяном дожде, капли которого были похожи скорее на иглы. Вытащив телефон из кармана куртки, я вызвала такси:

— К парковке у парка Карпинтерия, пожалуйста.

Женщина на том конце провода наверняка решила, что это шутка, потому что парк вечером закрывается. Она еще раз переспросила про время и место.

— Да, я знаю, что сейчас двадцать минут второго. Что я могу сказать? Свидание прошло просто ужасно.

Диспетчер сразу же сменила тон на сочувствующий. Мне было стыдно, что я вру и вызываю к ее чувству женской солидарности, но отчаянные времена требовали отчаянных мер.

В ожидании такси я начала жалеть, что мой эмоциональный тумблер включился. Я чувствовала страх, замешательство и сотни других вещей, которые вводили меня в ступор. Как люди могут так жить?

Такси подъехало спустя минут пять, а еще через семь я была на пороге Центра. Зайдя внутрь, мне захотелось рухнуть на колени. Если

бы не нужно было скрывать свое состояние от ночных охранников, я бы, наверное, доползла до Мака на карачках. Весь запас моей энергии как будто растворялся по мере того, как я достигала цели.

Нагородив кучу нелепых отмазок ночному охраннику о том, как я волнуюсь за одну пациентку, я постаралась пройти остаток коридора с поднятой головой, но, как только мужчина скрылся из виду, мои силы покинули меня, утонув, как камень в воде. Добравшись до палаты Мака, я почувствовала, что только здесь могу сейчас найти убежище. В той палате хранились ответы, в которых я нуждалась. В той палате был Мак, и все дороги вели меня к нему.

Я толкнула дверь, и меня бросило в холодный пот. Палата оказалась пуста.

«Он пропал. Его здесь нет. Вот блядь!»

Потерянная, я все же рухнула на колени, потому что мне было больнее, чем это можно было выразить словами.

«Должно быть, они нашли его. Забрали».

В моей голове как будто прозвучал щелчок, и моя взаимосвязь со здравомыслием и миром, который я знала до сих пор, стала исчезать.

— Я убью их! — почти что прорычала я. — Они будут наблюдать за тем, как я вырезаю их проклятые сердца!

«Господи!» — осеклась я.

Никогда раньше я не испытывала таких эмоций. Ярость, ненависть. Внутри меня расцвело осознание того, что я в силах убить любого, кто встанет на моем пути.

Поднявшись на ноги, я сжала кулаки. Все мое тело вновь наполнилось силой и необузданной волей. Волей к тому, чтобы все преодолеть и, если понадобится, крушить все, что встанет на моем пути. И на этот раз меня никто не остановит. Никто, даже гребаный Кинг. Конечно, это было нерационально, но казалось мне более разумным, чем мир, который теперь я видела перед своими глазами.

Зайдя в свой кабинет, я забрала сумочку и ключи от машины, которые пришлось оставить здесь в понедельник, когда мне стало плохо. Я хотела поехать домой. Припарковавшись за несколько кварталов от дома, я бы прокралась к себе и, взяв вещи, отправилась бы искать Мака. Я бы обязательно его нашла. Не знаю как, но я знала,

что смогу найти его. Как будто я была магнитом, а он металлом, который неизбежно притянется. Все происходило именно так, как говорила Миа. За исключением моего желания навредить Маку. Потому что мне хотелось обратного. Я хотела его защитить.

На выходе я прошла мимо пульта охраны и сказала им, что наш неизвестный, по-видимому, решил, что он здоров, и, поскольку я считаю, что он ничем себе не навредит, можно спокойно удалить его карточку из базы данных. Мне не хотелось, чтобы Мака искал еще кто-то, кроме меня.

Спустя минут пять я уже выезжала с парковки и размышляла на тему того, где буду его искать. Остановившись на красный свет светофора, я вдруг услышала знакомый глубокий голос с заднего сиденья моей машины:

— Направляйся на восток. Я знаю место, куда мы можем поехать.

— Черт! — заорала я, подскочив на месте, и обернулась. — Мак? Ты что здесь делаешь? Как ты вообще сюда попал?

Я прижала руку к груди. Мое сердце билось, как заведенное.

Он сидел на заднем сиденье, вытянув, насколько возможно, ноги и положив левую руку за голову. Мак был одет в кожаную куртку, и, хоть не могла точно определить ее стиль, потому что в машине было темно, я точно знала, что выглядел он чертовски сексуально.

— Ты оставила ключи от своего кабинета у меня в палате, а пульт от машины я нашел уже на твоём столе.

Меня осенило, что заданный мной вопрос был вполне себе обыденным, по сравнению с остальными просто чудовищными вопросами, ожидающими своей очереди.

— Мак, что происходит? — зарычала я.

— Ты сейчас говоришь о моем брате?

— Да, как ты догадался?

— Он очень талантлив в поиске вещей, поэтому это был всего лишь вопрос времени.

«И что же дальше?»

— А ты не подумал, что меня нужно предупредить? Мак, он заявился ко мне домой! Он собирался меня убить, бредя о том, что я

попытаюсь убить тебя!

В ожидании ответа я минуты две смотрела на огромную тень на заднем сиденье, но он молчал.

— Ну? — нарушила я тишину.

— С ним должна была быть Миа, и я уверен, что она заставила моего брата вести себя более-менее прилично. Зеленый. Поворачивай на восток.

— Нихрена я никуда не сверну, пока ты мне не расскажешь, почему эти придурки ворвались в мой дом и наговорили мне такие вещи.

«А еще она приготовила мне супчик».

— Как ты и сказала, они придурки. И ищут меня, потому что я у них кое-что забрал.

Мне стало интересно.

— И что же ты забрал?

— Чашу жизни инков. Я обменял ее на информацию о том, как тебя найти.

Окей. Такого ответа я не ожидала.

— Теперь мы можем ехать?

— Да, но мы возвращаемся в Центр.

Там мы хотя бы будем под присмотром охраны. Наверное.

— Мы оба знаем, что там небезопасно. Езжай на восток.

— Зачем? — спросила я.

— Езжай на восток! — настаивал он.

— Зачем? — повторила я свой вопрос.

— Потому что ты сказала, что хочешь мне помочь.

На мгновение я задумалась. Как ни странно, но тот наполненный яростью голос в моей голове исчез, а вернувшаяся старая добрая «я» говорила, что ехать на восток с этим парнем — плохая идея.

— Прекрасно! — Мак потянулся к двери, намереваясь выйти из машины.

Дерьмо! Я не могу его отпустить. Он был слишком... слишком...

Мне хотелось ударить себя за то, что я собиралась озвучить вслух это безумие... Мак был слишком важен для меня. На самом деле, я чувствовала, что он был для меня буквально всем.

— Хорошо! — прокричала я. — Я поеду!

— Поворачивай на восток!

Я сжала руль и выполнила его приказ, мельком поглядывая в зеркало заднего вида на лицо мужчины за моей спиной. Свет фар каждой проезжающей мимо машины наконец-то дал мне возможность разглядеть лицо Мака: гордые скулы, полные и чувственные губы. Мак был очень красив.

И слово очень точно подходит под его описание. Очень, очень красив. К тому же он был горяч и таинственен. Ну и совершенно не в своем уме.

— Осторожно! — крикнул Мак.

Я вернула машину обратно на положенную полосу, чувствуя себя слюнявой малолеткой. Через несколько мгновений я все-таки спросила:

— Так куда мы едем?

— Просто продолжай рулить.

Я могла только предположить, что это адреналин не давал моему усталому мозгу уснуть, потому что ехали мы всю ночь, пока не вошло солнце.

Позже, оглядываясь назад, я вспоминала этот день как одновременно лучший и худший в моей жизни.

ься, — тихо сказал Мак и успокаивающе погладил меня по спине своей сильной рукой.

Это прикосновение показалось мне очень интимным и чувственным, как если бы он прикасался не к моей спине, а к моим бедрам, груди или просто меня целовал.

Внезапно мне стало лучше. На самом деле я почувствовала дикое желание вскочить и, запрыгнув ему на руки, целовать его, как вновь обретенного возлюбленного, по которому всем сердцем скучала все это время.

Я покачала головой, пытаюсь собрать свои мысли в кучу.

«Посмотри на себя! Валяешься тут перед ним, как собачка с высунутым языком!»

Вытерев рот тыльной стороной ладони, я позволила Маку помочь мне встать с земли.

Я собиралась повернуться лицом к этому мужчине и все-таки посмотреть в его глаза. Пусть я уже и знала, насколько они красивые, но последний раз, когда я смотрела в них, изменил все на свете, изменил меня.

Несмотря на крепкую хватку, Мак мягко взял меня за руку и повернул к себе лицом. Я ахнула.

«Голубые. Такие голубые».

Я никогда не видела, чтобы у мужчины были такие красивые глаза. И его лицо было таким же красивым: полные губы, легкая щетина, взлохмаченные светлые волосы, падающие на лоб. Я тысячи раз готова повторять о том, какой Мак красивый.

Я очень засмушалась, когда он заметил, что я наблюдаю, как утреннее солнце мягким светом озаряет каждую черточку его совершенного лица.

— Что? — спросил он сухо. — Никогда не видела трехтысячелетнего старика?

Он мило улыбнулся, и мое сердце сжалось при виде ямочек на его щеках. Его глаза лучились весельем, а полные губы наводили на мысли о том, что они просто созданы для поцелуев, секса и романтического шепота во время занятий любовью...

«Стоп, Тедди!»

Я не собираюсь с ним спать!

«Но ты этого хочешь...»

А для такого человека, как я, хотеть кого-то настолько сильно было полным безумием, но, по крайней мере, теперь я смогу чувствовать эмоции своих пациентов.

— Ты сам знаешь, насколько красив, — сказала я, прокашлявшись.

Я до сих пор не могла поверить в то, что он так стар. «Тогда как это

все объяснить?» — спросила я себя. «Ты же чертов психолог, Тедди! Женщина с трезвым умом».

Всему этому непременно есть научное и медицинское объяснение, а я, в виду того, что стала жертвой всех этих эмоций, которые были для меня слишком новы, стала втягиваться в оккультное заблуждение, навязанное этими людьми. Тем не менее, я не могла отрицать, что чувствовала связь с Маком, несмотря на все его «проблемы». К счастью, на всей этой планете не было ни одного более профессионального психиатра, чем я, который смог бы убедить Мака в том, что он не проклят и надобности искать своей смерти у него нет. А также объяснить, что Кинг и его жена — впрочем, так же, как и сам Мак — жили в своем выдуманном фантастическом мире. А что касается того странного стечения обстоятельств, когда я видела Кинга во сне — это тоже подлежит рациональному объяснению. После рассказа Мака я знала наверняка, что они следят за мной и, должно быть, проецировала это в своем сознании во время сна. К тому же я наверняка уже где-то видела Кинга и просто этого не помнила.

Мне хотелось дать пощечину самой себе. Цвета, эмоции, обмороки — все, через что я прошла, было просто плодом моего воображения.

Внезапно я поняла, что Мак смотрит на меня, и оглянулась. Не в силах выдать ни слова, я смотрела, как солнечный свет красиво играет бликами на его светлых волосах, как хорошо джинсы сидят на его бедрах, как футболка облегает его мышцы. И мне нравилось, что он смотрел на меня, как на объект своего вожделения.

— Твои зеленые глаза прекрасны, Теодора. А новая стрижка особенно привлекательна, — тихо произнес он.

«Привлекательна». Навряд ли это слово в наши дни использует хотя бы сотня человек, но его очарование разбудило бабочек, затрепетавших в моем животе.

Я пожала плечами, пригладив свои волосы.

— Я подумала, что с такой прической буду выглядеть взрослее.

Он зашелся в веселом смехе.

— Люди так беспокоятся об этом, но на самом деле тебе столько же лет, сколько и мне.

«А, ну да... Он же думает, что я и есть та женщина, Олла».

Решив, что сейчас не время отторгать его ложную реальность, я промолчала. Если я действительно хочу помочь этому человеку, то должна действовать осторожно и позволить ему самому увидеть правду. Выйти из своего выдуманного мира.

— А мне-то было интересно, с чего у меня при дожде постоянно болят колени. Должно быть, артрит, — улыбнулась я, а затем тяжело вздохнула: — Мне намного лучше. Поедем?

Мак протянул руку и погладил меня ладонью по щеке:

— Я поведу.

Я не могла пошевелиться. Его прикосновение было слишком приятным.

Мельком я увидела его бицепс, покрытый татуировками. Мак напоминал мне одного из тех парней по телевизору, служащих в военно-морском флоте и накаченных в самых нужных местах.

— Ты еще не рассказывал мне о датах и именах, набитых на твоих руках.

Мак, решив не отвечать, опустил свою руку и, обойдя меня, открыл переднюю дверь машины. Я с трепетом смотрела на то, как он садится на водительское сиденье и отодвигает его.

— А ты что, доктор? — спросил он с ухмылкой и сжал руль.

— Да, — ответила я, поднявшись.

Пока обходила машину и садилась на пассажирское сиденье, я чувствовала на себе пристальный взгляд Мака.

Когда я закрыла дверцу, он улыбнулся и, переведя взгляд на дорогу, нажал на газ.

Глава 13

Тедди

— Что это за место? — спросила я, когда Мак выкопал ключ буквально из грязи, рядом с полуразвалившейся хижинкой, посреди «ничего».

Я не могла не смотреть на его тело, пока он искал ключи.

Задравшаяся одежда позволяла увидеть его плоский живот без единого намека на жир. Его кожа была такой смуглой, будто он совсем недавно отдыхал в каком-то солнечном месте. Широкие плечи Мака указывали на то, что он не боится тяжелой работы и тренировок. А его задница... Иметь такую красивую задницу просто преступление. Это было несправедливо по отношению к девушкам.

Не желая, чтобы он снова поймал меня на том, что я на него пялюсь, я перевела взгляд обратно на маленькую деревянную хижину с пыльным крыльцом. Она была похожа на декорацию к вестерну. Только вот эта часть пустыни не была милым желтым пространством с кактусами. Местность была холмистой, с большим количеством камней, а высохшая растительность придавала уединенной долине запущенный вид.

Забавно, мне было ни чуточки не страшно, хотя где-то в глубине своего сознания я понимала, что бояться следовало. Потому что, если раньше я придерживалась логики, то теперь просто тонула в океане своих эмоций. Я не должна была соглашаться на поездку к этой хижине, посреди пустыни, где на добрые сотни километров не найдется ни одного человека. А еще я не должна была чувствовать то, что чувствую к этому мужчине. Однако все было так, как было.

— Похоже, здесь кто-то взорвал атомную бомбу, и вокруг все умерло.

Мак усмехнулся и, поднявшись, вытер грязь с ладоней о свои темные джинсы.

— Что? — спросила я о его усмешке.

— Мы стоим сейчас на месте старейшего индейского захоронения. И они, на самом деле, не умерли, поэтому предпочитают, чтобы их называли духами.

— Ооо... я, вообще-то, имела в виду растения. Ну, знаешь, дикая природа и все такое, а ты мне рассказываешь про духов. Ты их видишь?

Я надеялась, что он скажет «нет», а иначе у меня прибавится работы с его психикой.

Мак подошел к дому и стал пытаться открыть висящий на дверях замок, похожий на амбарный.

— Я не могу видеть призраков, а ты? — Он посмотрел на меня с

любопытством, прервав свою работу над ржавым замком.

— Я в них не верю.

Мак повернулся ко мне и уставился, как на сумасшедшую.

— Ты согласишься.

Он вернулся к своей работе, и замок издал странный скрежет.

«Он пытается меня напугать? Ничего не выйдет!»

— Откуда ты знаешь об этом месте? — спросила я.

— В прошлой жизни я был знаком с хранителем этого места.

Мне стало интересно, про «прошлую жизнь» он говорил в буквальном или фигуральном смысле?

— Значит, раньше твой знакомый заботился об этом гиблом месте? Интересно.

Мак снял с дверных ручек ржавую цепь и распахнул дверь, открывая мне вид на мрачную и грязную обстановку внутри дома.

— Мертвым ни к чему наша забота, — ответил он. — Его работа заключалась в том, чтобы не допускать сюда живых. Но, в конце концов, от этого полного одиночества он сошел с ума. Прямо перед смертью он передал эти земли под защиту моего брата. Поэтому тебе стало плохо, когда ты на них ступила.

Я подняла бровь. «Под защиту». Словосочетание, которое не так уж и часто встречается в повседневной жизни. Он подразумевает, что они для защиты этих земель использовали какое-то вуду?

— Видимо, ты мне не веришь.

Он кивнул головой в сторону двери, приглашая меня войти, но я медлила. Не то чтобы я боялась, просто не понимала, зачем это нужно.

— Почему бы тебе сначала не сказать мне, что там внутри?

Я сложила руки на груди, радуясь, что решила одеть темный теплый свитер, потому что утренний ветер был, мягко говоря, прохладным.

— Там находится то, что тебе нужно увидеть своими глазами.

Голос Мака внезапно стал зловещим, и я почувствовала, как кожа на моих руках покрылась мурашками, а волосы встали дыбом.

Выражение на его лице стало таким, что мне трудно его описать словами. Как будто... Мак хотел причинить мне боль... На его лице читалась ненависть... ярость... Он выглядел смертельно опасным.

«Ладно... Вот теперь мне страшно».

Я внезапно вспомнила, что у Мака были мои ключи. И мне некуда было идти, некуда бежать, негде спрятаться.

«Я просто идиотка».

Если он хотел убить меня, то скорее всего, учитывая исходящую от него смертельную энергетику, я думаю, что умру. Как те глупые девушки из фильмов ужасов, которые поднимаются на чердак, чтобы проверить, что за странный звук оттуда доносится.

Я подняла подбородок, притворяясь спокойной. Потому что знала, что страх жертвы только подпитывает эго охотника.

— Мак, объясни мне, что мы здесь делаем? Если ты решил затащить меня сюда, чтобы перерезать мне горло, то идти мне некуда, так что ты выиграл. Но ты должен объясниться.

Нет. Я не собиралась сдаваться, но мне нужно было время, чтобы подумать.

В его голубых глазах мерцало презрение, а на лице появилась маска ярости. Не было и следа тех ямочек, которые я видела недавно.

«Что, черт возьми, с ним происходит?»

— Я ничего тебе не должен, Теодора. Теперь делай, что я говорю, и тащи свою задницу внутрь, или я затащу тебя за волосы.

«Вот черт!»

В глубине души я знала, что побег мне ничего не даст, но все равно развернулась и побежала. Я бежала изо всех сил, поднимая песок и камни, но внезапно почувствовала, как чья-то рука схватила меня сзади за свитер и рванула назад. Я так резко упала, что удар о землю выбил воздух из моих легких.

— По-моему, я, блядь, велел тебе зайти внутрь, женщина! — прорычал Мак, пока я безуспешно пыталась восстановить дыхание.

Без особых усилий он поднял меня с земли и перекинул через свое плечо.

От ужаса я закричала:

— Не делай этого, Мак! Я смогу тебе помочь! На самом деле ты этого не хочешь!

— Заткнись! Ты понятия не имеешь о том, чего я хочу! — Мак так быстро шел, что мое тело стало болеть от ударов о его плечо.

Я царапала и била кулаками по его спине, но он был слишком сильным.

— Мак, пожалуйста. Умоляю, позволь мне...

Мы переступили порог хижины, и мне показалось, что я сошла с ума.

Глава 14

Тедди

— Что за хрень? — от страха я могла только шептать.

Мак бросил меня на мягкую кожаную кушетку, рядом с незажжённым камином, а затем закрыл свое лицо руками, зарычал и застонал, закрыв глаза, словно от боли. А потом мышцы на его лице разгладились, и он резко посмотрел на меня.

— Ты не должна от меня убегать, Теодора! Ты меня поняла? Поняла? — закричал он.

Потеряв дар речи, я рассеянно кивнула.

Внутри хижины было совсем не пыльно, хоть и темно. Стены, казавшиеся гнилыми снаружи, внутри оказались отштукатуренными и покрашенными белой краской. Гостиная, с камином, сосновым резным журнальным столиком и медвежьей шкурой на полу, была очень уютной, а в ее правом углу стоял круглый стол с газовой лампой на нем. На стене висели шкафчики, забитые консервами и посудой, и даже был небольшой кухонный островок с плитой и гранитной столешницей.

— Я не... не... не... не понимаю... — заикаясь произнесла я, а потом посмотрела на Мака. — Срань Господня!

Внезапно мне стало плохо.

— Твое лицо... твои волосы...

Волосы на его голове потемнели, кожа приобрела оливковый оттенок. Лицо Мака изменилось, а глаза заискрили голубым. Он стал выглядеть, как Кинг. В точности.

Я смотрела на него в полном смятении, а Мак просто скрестил руки и молчал.

— Мак, пожалуйста, помоги мне понять, что происходит.

— Ты Провидец, Теодора. И у меня есть основания полагать, что в этом месте сосредоточена энергия, от которой ты черпаешь свои силы. — Наверное, он имел в виду что-то похожее на турбонаддув, но самое странное, что, как только он это сказал, я почувствовала странную пульсацию в моих венах и под кожей. — Именно поэтому племя, которое раньше жило в этих землях, считало это место священным, — продолжил он.

— Но твоя внешность изменилась. И внутри этого дома все совершенно не так, как я видела это снаружи.

— Простое заклинание, чтобы обмануть человеческий глаз, а заодно и удержать людей от входа сюда, если они окажутся поблизости.

— Итак... ты... — я вздохнула. Мак выглядел таким... чертовски красивым.

Мне пришлось отвернуться, чтобы мои мысли не путались.

— Ты видишь меня таким, каким я был, когда мы с тобой впервые встретились. Ты не помнишь?

Я отрицательно помотала головой.

Мак потянулся к шкафчику и протянул мне маленькую серебряную пепельницу.

— Зеркала у меня нет, но и это сойдет.

Я взяла из его рук предмет и посмотрела на его поверхность. Расплывчатое отражение в нем было совсем не тем отражением, которое я видела каждый день в зеркале.

— Вот черт! — Я уронила пепельницу, в отражении которой на меня смотрели карие глаза с черными густыми ресницами.

Мой разум боролся с происходящим вокруг, все еще цепляясь за логику и говоря мне, что этого не может быть. Однако доказательство стояло прямо передо мной. И все же мне было сложно проглотить

пилюлю с такой горькой правдой. Потому что раз все это не фантазии Мака, то Миа и его брат тоже существуют.

— Мне... эээ... — я встала с кушетки. — Мне нужно немного побыть одной, — все-таки произнесла я.

Мак посмотрел на меня, и мне снова пришлось отвести взгляд. Потому что при виде его изменившегося лица внутри у меня все внутренности скручивались в узел. Как будто я была несчастным мулом, которого привязали к мельнице.

— Я не собираюсь убегать. Да и куда мне идти?

— Мы здесь ненадолго. У нас не так много времени до того, как они нас найдут.

— Ты имеешь в виду своего брата? — спросила я.

— Меня ищет не только он.

— Прекрасно! — Я взялась за ручку двери. — Пока я буду снаружи, не обращай внимания на крики.

Я вышла на старое пыльное крыльцо, которое заскрипело под моим весом, и оглянулась. Внутри снова не было ничего, кроме паутины, грязи и гниющих досок.

Закрыв за собой дверь, я прошла несколько метров и закричала во все горло.

~

Когда я немного отошла от шока, Мак развел в камине огонь, и мы устроились у тепла с нашими скудными запасами еды. В моей голове роилось такое огромное количество вопросов, что я не знала, с чего начать разговор. Например, о моем даре Провидца. «Моя мать была такой же? Или кто-то еще из моей семьи владел этим даром?» Потом вопросы о самом Маке. «Его возраст и правда исчислялся тысячами лет?» Сумасшествие! «Его правда искали? А я и правда уже много раз была убита Кингом и возрождалась после этого к жизни?» Безумие!

Всего лишь за сутки я превратилась из человека, который жил по законам логики, в человека, живущего в мире, где логика просто отсутствует. Старая Тедди (сосредоточенная женщина с аналитическим складом ума, была умнее многих, потому что ее не отвлекали различные эмоциональные факторы) мертва. Точнее

сказать, она была похоронена под огромными пластами настоящей меня.

«Но кто же я?»

К сожалению, этот вопрос придется отложить. Главнее было то, что Мак все еще верил в то, что должен умереть, а я хотела, чтобы он жил. Вне всяких сомнений.

Перекусив вяленным мясом и выпив бутылку воды на двоих, я устроилась на кушетке, а Мак занял большое старомодное кресло у камина. Я не могла перестать на него смотреть. Черные как смоль волосы были длиннее, чем раньше, а щетина намекала на эспаньолку. Я не могла поверить в то, насколько он изменился. Мак перестал выглядеть, как американский парень-спецназовец с плаката. Теперь я видела, что его красота и правда была из другого времени. Я бы даже назвала ее экзотичной.

— Перестань пялиться, — сказал Мак, глядя на огонь. — Это меня смущает.

На его лице появилась милая и заразительная улыбка, похожая на ту, что я видела раньше, правда, без ямочек.

— Ничего не могу с собой поделать. Просто ты такой... — мне ужасно хотелось произнести «чертовски сексуальный», — ...другой.

— Это всего лишь иллюзия. Отражение твоих воспоминаний.

— Так, значит, я и правда Олла?

— Ты все еще не вспомнила?

Я покачала головой, и Мак хмыкнул.

— Ты ожидал, что я вспомню?

— Обычно ты либо вспоминаешь все сразу, либо воспоминания возвращаются по кусочкам, но в конце концов ты все равно все вспоминаешь.

— А ты всегда являешься так таинственно? — спросила я, имея в виду нашу встречу в темной палате.

— Нет. Периодически я стараюсь избежать встречи с тобой, потому что... неважно... это не имеет значения.

Его ответ только пробудил мое любопытство. Ранее я предполагала,

что он выбрал Центр и ту палату, потому что не хотел, чтобы его нашли, но, возможно, все было иначе.

— Это потому, что мы с тобой когда-то были...— я проглотила слова, рвущиеся с языка.

— Я любил тебя.

— А сейчас?

— Это сложно...

— И не говори. — Я протянула руки к камину, чтобы немного согреться.

Мак посмотрел на меня, нахмурившись.

— В этом веке любовь — это то, что люди видят в фильмах по телевизору. Просто фантазия, придуманная средствами массовой информации, которую пытаются имитировать актеры. Кратковременные и дешевые романчики.

— Неправда. Мои родители очень любят друг друга, и они вместе уже сорок лет.

— Вероятно потому, что между ними есть уникальная связь, которая теперь уже большая редкость. Она выходит за рамки сегодняшнего определения любви.

— А что насчет нас с тобой?

Очевидно же, что я его не люблю, ведь едва знаю этого парня. К тому же я понятия не имела о том, что сейчас происходит.

— Между нами с тобой тоже есть связь. Только она была выкована в момент мучений и боли.

— В смысле? — спросила я.

— Все очень просто. Твой отец обладал могущественным даром и, из-за боли от того, что ему пришлось убить тебя, проклял меня на века скитаний по земле в мучениях. Но твое могущество было не меньше. Ты не хотела обречь меня на все это. Поэтому твоя душа не успокоится, пока ты не освободишь меня от проклятия своего отца. Вот почему ты должна убить меня. Ты единственная, кому по силам освободить мою душу.

Я удивленно поежилась.

— И не надо так удивляться! — сказал Мак.

— Думаю, ты неверно истолковываешь отсутствие у меня энтузиазма к убийству. Ты абсолютно ошибаешься, если думаешь, что я это сделаю.

— У тебя нет выбора, Теодора. Это твоя судьба. Ты хочешь освободиться от своей клятвы так же сильно, как освободить меня.

— Пошел ты. Я не стану тебя убивать.

— Рано или поздно я не смогу сдержаться. Ярость, которую ты видела, этот жестокий человек во мне. Ты его просто раздражаешь. В конце концов, этот монстр вырвется на свободу и попытается тебя убить. У тебя не останется выбора, кроме как защитить себя, покончив со мной.

Теперь до меня начало доходить, что он имел в виду.

— Должен же быть другой выход.

Мак посмотрел на меня таким взглядом, что мне захотелось заползти в какую-нибудь дыру и умереть.

— Что? — огрызнулась я в ответ на его взгляд.

— Думаешь, я не пробовал найти этот выход?

— Откуда, черт возьми, мне это знать? Думаешь, у меня было время, чтобы порассуждать над такими вещами?

— Мы с братом много раз пытались снять проклятие, но безуспешно. Я даже не умираю. Вернее, я перехожу в бесплотное состояние, но и в нем не чувствую ничего, кроме боли и страданий. Не пикник, знаешь ли. Ты должна сделать это для меня, Теодора. Ты так же могущественна, как и твой отец, а это значит, что ты способна освободить меня от этих мучений, и должна сделать это прямо сейчас, пока я не потерял контроль и не причинил тебе вреда.

Я понимала, о чем он говорит, и мне хотелось избавить его от страданий, но исполнить его просьбу не могла. Я не могла его убить, потому что просто была не способна на убийство.

— Извини, но нам придется подождать, пока ты потеряешь этот контроль. Потому что я не могу просто перерезать тебе горло, сбить машиной, или что ты там себе еще напридумывал.

Мак покачал головой и уставился в пол.

— Если я снова потеряю контроль, то все начнется сначала. Ты возродишься, а я буду удовлетворять свои низменные потребности в части жажды крови.

Я пыталась понять, о чем он говорит.

— Ты... убиваешь людей?

— И у меня это очень хорошо получается, уж поверь.

К моему горлу подкатила тошнота. Я не помнила своего истинного отца Кана, но не могла понять, о чем он думал, когда проклинал Мака.

— Получается, ты серийный убийца?

— Ни в коем случае. Но в этом мире, Теодора, много причин для убийств. Например, за родственников, за власть, за страну, во имя гордости, наконец.

Я не знала, что ему ответить.

— Это уж слишком.

Я уставилась на него в полном изумлении. А потом на смену страху пришел трепет.

Мак, будто бы почуяв изменение в моем состоянии, улыбнулся.

— Что?

— Ничего. Ты смотрела на меня абсолютно так же во вторую нашу встречу.

— Хотела бы я это помнить.

— Возможно, ты просто не хочешь вспоминать. Хотя, знаешь, это неудивительно.

— Расскажи мне обо всем, что ты помнишь. Я хочу знать все. В деталях! — заявила я, но на самом деле самое важное, что я хотела знать, так это как я могу его спасти.

— Если я расскажу тебе, ты выполнишь мою просьбу?

Я не могла ему солгать, поэтому попыталась ускользнуть от вопроса.

— Это может увеличить твои шансы.

— Упрямая! — Мак снова покачал головой. — Ты всегда была такой упрямой.

Мак

Полагаю, ее просьба была наименьшим из того, что я мог сделать для Теодоры.

По моим подсчетам у нас оставалось несколько часов, прежде чем Кинг воспользуется своими силами или Артефактами и найдет нас. И, должен признаться, пока я проводил время с ней, глядя в ее большие зеленые глаза (пусть я и не был Провидцем, мог видеть ее настоящий облик), ко мне возвращались воспоминания, и она для меня становилась просто Оллой, а я был просто странником в ее деревне. Так что да, вопреки здравому смыслу, осознавая, что только осложняю ей задачу покончить со мной, я не смог устоять перед тем, чтобы провести эти последние мгновения вместе.

Разделять с ней часы — это самое правильно, самое лучшее, что может быть в этом мире. Конечно, если мои мысли не заняты мыслями об ее смерти.

Я прокашлялся, решив, что она должна видеть только мою уверенность.

— Во второй раз мы встретились где-то пятьсот лет назад. Я был недавно воскрешен моим братом из мертвых после его многочисленных неудачных попыток снять проклятие. Не самый счастливый период моей жизни. Кинг был таким же кровожадным, измученным и жестоким, как и я. А еще он был очень сильным, о чем так любил напоминать.

Я заметил, что Теодора нахмурилась.

— Вы дрались?

— Дрались? О, нет. Он лупил меня. Избивал. Хотя избивал он всех, кто ему не нравился, и убивал любого, кто смел его ослушаться.

— Иисусе. Неудивительно, что ты не хочешь его видеть.

— Признаюсь... Я мечтал отомстить брату и даже убить его, но потом узнал правду. Узнал, как ему пришлось заплатить за мое воскрешение.

— Ну не томи меня! — воскликнула Теодора.

— Он тоже был проклят, но, в отличие от меня, стал призраком, и его

душа постоянно испытывала боль.

Теодора приоткрыла рот в немом удивлении, и я заметил кончик нежно розового языка, к которому мне захотелось прикоснуться своим языком. Впрочем, мне хотелось прикоснуться языком и к другим частям ее тела.

Я слегка изменил позу, чтобы она не заметила моего возбуждения.

— Воля моего брата, его безумное желание вернуться к Мии ни с чем несравнимы. Пусть это и заняло у него несколько столетий, но он научился материализовываться. Сначала на небольшие, а потом все на большие промежутки времени. Кинг искал людей: шаманов, ведьм, Провидцев, да кого угодно, кто мог бы обладать даром, и кто мог бы помочь ему взять под контроль либо совсем убрать грань, что отделяет его от мира живых. Он настолько преуспел в этом, что никто больше не мог отличить его от живого человека. Кинг сколотил себе огромное состояние и создал мощнейшую сеть очень опасных союзников. В итоге он мог бы стать кем угодно и вернуться к жизни в мгновении ока, но, выбрав мое спасение, этого лишился.

— Значит, он мог вернуться к жизни, но не вернулся?

— Да. Он предпочел вернуть к жизни меня. Брат сказал, что без меня он не видит смысла в этой жизни.

— Мне до сих пор непонятно, как можно вернуть человека к жизни, да еще и дать ему новое тело.

— Ну, чтобы ответить на этот вопрос, ему потребовалось более тысячи лет. Брат нашел человека, который знал, как нужно использовать ожерелье, которое много лет назад Кинг получил от Клеопатры.

— Как он получил ее ожерелье?

— Трахал, вошел в доверие, получил, что хотел, и прикончил.

Теодора содрогнулась от грубости моих слов, а на ее лице отразилось отвращение.

— Напомни мне держаться подальше от твоего брата.

— Не переживай из-за нее. Клеопатра была безжалостной и могущественной сучкой. На ее руках много крови.

— Я всегда думала, что она умерла от укуса змеи.

— Миф. Она умерла от того, что ее тело было обескровлено, и продажа ее крови на черном рынке принесла моему брату много денег.

Теодора нахмурилась.

— Клеопатра была необычной женщиной. Выпив всего пару капель ее крови, человек мог помолодеть внешне лет на десять.

— Откуда ты это знаешь?

— На протяжении этих веков периодически я помогал брату вести бизнес. Ирония судьбы. Я был категорически против помогать ему раньше, но все меняется.

— Так чем он занимается? — спросила она.

— Он что-то вроде серого кардинала у власти. Вернее, его оккультная версия.

— Я определенно предпочитаю держаться от него подальше.

«Разумно!»

— Проблема в том, что мы с ним связаны. Мы близнецы, и наши души постигла та же связь.

Я прямо-таки видел, как кусочки паззла складываются в уме Теодоры.

— Так вот почему он не дает тебе умереть? — прошептала она, явно просто размышляя вслух.

— Как я уже говорил, сегодняшнее определение любви меркнет по сравнению с нашим. Настоящая любовь проявляется в том, что ты должен дорожить душой другого человека больше, чем своей собственной. И неважно, кто этот человек, брат, друг, родственник, любовник. Эту связь невозможно разорвать. Вот почему мой брат никогда не бросал попыток найти меня. Когда сотни его попыток завершились неудачами, он наконец понял, что ключ ко всему — это мое тело. Чтобы дар ожерелья сработал, ему пришлось поместить мою душу в новое тело.

— Мак, я правда не хочу знать, как ему это удалось, потому что что-то подсказывает мне, что история мне не понравится. Но он сделал правильный выбор.

Теодора слабо улыбнулась.

Я понимал, что Теодора старается мыслить позитивно, но у молодого человека, в тело которого переместили мою душу, была отнята жизнь. Это был еще один камешек в гряде вины, что терзала мое сердце и отравляла мое существование.

— Ожерелье сработало и плюс ко всему остановило старение тела, что сделало меня с того дня бессмертным.

— Поразительно, Мак! Ты носишь его сейчас?

— Нет. Кинг позаботился о том, чтобы снять его было очень сложно, и за удачную попытку мне пришлось заплатить высокую цену. Чаша инков, которую я украл у брата, должна была помочь вернуть к жизни брата Мии. Я обменял ее, чтобы получилось снять это ожерелье, иначе мое тело не даст мне умереть и найти тебя.

— Ясно. Давай вернемся к тому месту, когда ты говорил, что мы встретились во второй раз. Как это произошло? — спросила она.

Я понимал, что она ждет романтическую историю о двух заблудших душах, что ищут друг друга. Но ее ожидания были очень далеки от истины.

Глава 15

Мак

1512 год

Без сомнения, мы были хуже дикарей. В это время мой брат выстраивал свою империю власти и оттачивал свои способности находиться в мире живых, параллельно разыскивая необходимый Артефакт — камень, который позволил бы ему снять свое проклятье и вернуться к жизни. Что касается меня, то хоть я и был воскрешен, но продолжал сходить с ума от мучений, которые испытывала моя измученная душа, скитаясь более двух тысяч лет. Для меня ничего не имело смысла, кроме убийств, которые дарили немного покоя. Вот почему после того, как я отправил на тот свет весь наш штат прислуги: тридцать три служанки среднего возраста, шестнадцатилетнюю девчушку и сорок девять стражников, — моему брату пришлось решать, что со мной делать. Не то чтобы Кинга волновала смерть этих людей, скорее его волновало то, что я

привлекаю слишком много внимания.

— Наверное, тебе просто требуется время, чтобы твое сознание очистилось, Каллиас, — рассуждал Кинг, расхаживая по нашей роскошной вилле в Марселе, с балкона которой открывался упоительный вид на океан. — Отдохнуть бы тебе, а я тем временем все подчищу и позабочусь о местных органах власти.

Я сидел на диване, обитом шелком кремового цвета, прямо у камина, заливая все вокруг капающей с меня кровью. И мне было плевать. Плевать на его слова, плевать на то, что порчу дорогой материал. В моей голове все еще раздавались крики моих жертв и голос, приказывающий мне убить кого-нибудь снова.

— Что ты со мной сделал, Драко? — закричал я в агонии.

— Закрой свой рот, братец. Дай мне подумать.

Я встал с дивана, готовый сделать Драко своей следующей жертвой.

— Зачем ты воскресил меня?

Я не мог поверить в то, что натворил, поверить в ужас всего происходящего. Тем не менее, кратчайшие секунды покоя, которые я испытывал после того, как забирая чью-то жизнь, дарил мне возвращение маленьких отголосков здравого смысла.

— Почему ты спрашиваешь? — Кинг наигранно небрежно поправил рукава своей кружевной рубашки.

Люди тех времен одевались так странно. Женщины носили гигантские юбки, а мужчины — кружевные рубашки и бархатные туники, собранные воланом на поясе. Конечно, это разительно отличалось от свободных одежд моего времени.

— Это было неправильно, Драко. Такой же ошибкой было пойти у тебя на поводу и отрубить тебе голову. Моя смерть была ошибкой, но и мое воскрешение — тоже! — Я знал, что он воскресил меня по чисто эгоистическим причинам, поэтому, на самом деле, мне не нужно было спрашивать, почему он это сделал. — Это не принесёт ничего хорошего ни тебе, ни мне.

— Я велел тебе заткнуться! — рявкнул он.

— Или что? Убьешь меня?

— Никогда. — Он покачал головой. — Мы близнецы, а это значит,

что у нас одна душа, которая разделена на два тела.

Именно в это он верил в то время. Ведь тогда наука, а тем более генетика была для нас загадкой, как и для всех остальных. Много позже, развивая свои умственные способности, мы узнали, что наши души не связаны, как и тела. Просто у нас была одинаковая ДНК.

— Я посылаю тебя найти мне Артефакт, — приказал мне Кинг. — Ты отправишься в место, где видел его в последний раз, и посмотришь, куда это тебя приведет.

Насколько я помнил, Артефакт находился где-то на острове, который уже тогда стали называть Грецией. Мои охранники, которые должны были защищать меня, явились лишь перед самой моей смертью, и я попросил их передать камень Мии.

— Куда ты предлагаешь мне вернуться? На место моей смерти?

Воспоминания об Олле промелькнули в моей голове, но я не смог понять их смысл.

— Я дал денег Диего Веласкесу де Куильяр, испанцу, чтобы он мог основать на острове Каобана, недалеко от места, где ты погиб, поселение. Ты поплывешь туда вместе с ним.

— Он работает на тебя? — спросил я, а брат улыбнулся в ответ.

— Он работает на золото, которого у меня предостаточно. Поэтому с работниками у меня проблем нет. Ты скажешь ему, что действуешь от моего имени и будешь следить за моими инвестициями, а также помогать мне искать интересующие меня предметы для моей коллекции.

Уже на следующий день я направился в Испанию, чтобы вручить Диего письмо от Драко и отплыть на его корабле в Новый Свет. Четыре с половиной месяца спустя я прибыл на место, на котором некогда жило племя Оллы, чтобы обнаружить там непроходимые джунгли. Они уничтожили любое напоминание о проживавших там людях.

Мне было все равно. Мир, представший моим глазам, разительно отличался от того, что я знал перед смертью. Те несколько месяцев, что путешествовал по миру, заставили меня почувствовать себя ребенком в кондитерской лавке, а моими сладостями были убийства. Люди, которых я лишил жизни, заслуживали смерти: воры, что пытались украсть у меня лошадь по дороге в Испанию; пьяная группа

мужчин, издевавшаяся над девушкой недалеко от какого-то борделя вблизи порта; пираты, собиравшиеся захватить наш корабль.

Убийства этих людей показали мне, что моя темнота и желание лишить человека жизни могли служить и другим целям. Еще я узнал, что стал бессмертным и что лишен чувства страха. Меня просто поглотила потребность проливать кровь. Иногда это было похоже на наркотик. Иногда я убивал, ища облегчения, чтобы заглушить рвущееся наружу чувство вины. Тем не менее, я верил, что нашел свое призвание.

Когда мы добрались до Каобаны, сейчас этот место называется Кубой, я решил, что это мой личный рай. Коренные жители этих мест нуждались в укрощении, а я — в убийстве. Пробыв там около пяти дней, Диего набрал достаточно людей для борьбы с теми, кто решит восстать против нашего захвата, и, конечно же, попросил меня возглавлять нашу группу.

— Ты животное, Каллиас, и прекрасный воин. Ты расчистишь путь для нашего дела. Не щади этих язычников.

На следующее утро я и группа мужчин с мечами наперевес вторглись в маленькую деревеньку в миле от порта.

Я помню, как ворвался в первую хижину. Кровь пенилась и бурлила в моих венах, требуя свой наркотик. Но, когда мой взгляд встретился со взглядом молодой женщины в традиционной набедренной повязке, которая стояла на коленях в углу хижины и укрывала одеялом двух маленьких детей, я застыл. Пусть всего на краткое мгновение, но мои глаза увидели в ней Оллу, а, когда я почувствовал ее сладкий запах, которым буквально было пропитано ее жилище, все сомнения исчезли.

— Этого не может быть. — пробормотал я.

Она посмотрела на меня, и ее глаза наполнились шоком. Я не говорил на их языке, но, когда знакомый голос наполнил помещение, я упал на колени, выронив меч. Ее присутствие действовало на меня сильнее всякого убийства.

Не знаю, как долго мы простояли вот так, глядя друг на друга. Смущенные, ликующие, испуганные и счастливые... но крики снаружи будто бы разбудили меня ото сна.

— Я должен вытащить тебя отсюда! — сказал я и протянул ей руку, а она приняла ее и жестом велела детям следовать за нами.

Я выглянул наружу, осматриваясь в поисках других мужчин, которые расправлялись с людьми в других жилищах.

— Бежим! Скорее! — прокричал я.

Они побежали за мной в джунгли, а в моей голове все вертелся вопрос: «Как такое может быть?» Если бы мой разум не был занят этими мыслями, то, наверное, я бы услышал раздающиеся позади нас шаги. Когда я обернулся, чтобы посмотреть, почему Олла и дети отстали, было слишком поздно.

Этот день навсегда останется в истории, как Бойня под Камагуэйем. Только вот в учебниках истории не написано, что эту резню устроил я. Слепленный гневом, я истреблял испанцев, жителей острова, всякого, кто попадался мне на пути. А когда испанцы, наконец, схватили меня, я позволил им себя убить, мечтая, чтобы эта боль закончилась.

Но этого не произошло.

Через несколько дней ожерелье Клеопатры воскресило меня снова, и, выбравшись из общей могилы, я украл лодку и отправился на север. Я находился во власти психоза, и это состояние не покидало меня следующие несколько сотен лет.

Глава 16

ГЛАВА 16

Тедди

Мне хотелось бы осуждать Мака за совершенные им преступления. Хотелось желать ему провалиться в преисподнюю и убедиться, что там он и останется. Однако тот факт, что он не контролировал ситуацию, направил мои чувства в совершенно иное русло: к жалости.

Честно говоря, я не была религиозным человеком. Не потому, что не хотела верить, а из-за того, что в виду аналитического склада ума, моему разуму нужны были доказательства существования Бога. Ведь если Бог и существовал, то он бросил этого беднягу на произвол судьбы, позволяя гореть в этой агонии. Это было несправедливо. Я

видела страдание в глазах Мака, слышала вину в каждом произнесенном им слове, чувствовала отчаяние, которое, казалось, витало в воздухе. Если Бог существует, то зачем он так его наказал? За братоубийство? Но Мак сделал это, думая, что так спасет их народ. За то, что Мак когда-то трахнул меня без разрешения истинного отца? Но ведь Мак сделал это по любви. За то, что он был проклят болью моего отца, или за то, что был воскрешен Кингом? Или потому, что он был слишком слаб и не смог воспротивиться их воле?

Этот человек не выбирал свою судьбу. Его принуждали к каждому совершенному им действию, но, тем не менее, он взял всю вину на себя.

— Твое чувство вины, Мак — это просто признак твоей доброты.

Я видела, что Мак меня практически не слушает, он смотрел на потрескивающий в камине огонь и скорее всего заново переживал свои греховные поступки.

— Мак! — рявкнула я, возвращая его к реальности. — Ты должен меня выслушать! Ты не несешь ответственности за то, что сделал.

Он пронзил меня суровым взглядом.

— Ты просто меня не понимаешь, не так ли? Впрочем, это неважно. В конце концов это мне приходится жить с этими воспоминаниями. Это я вижу их лица. Слышу их крики. Вновь и вновь я переживаю их боль. Какие, блядь, вина и ответственность? Я просто хочу, чтобы это закончилось.

— Если я и правда та, кто ты думаешь, то мы можем найти способ справиться с проклятием. И еще я могу помочь тебе с твоими воспоминаниями. Я могу начать работать с тобой, как и с любым другим пациентом.

— Ты все еще не вспомнила меня?

— Не меняй тему...

— Ответь мне! — потребовал Мак.

Я не понимала, к чему он клонит.

— Нет. Я ничего не вспомнила. Какое это имеет значение?

— Это важно, потому что ты всегда все вспоминала. Иногда это занимало какое-то время, но итог был один. В этот раз я встретил

тебя на улице. Мы находились в паре метров друг от друга, а ты прошла мимо, даже не посмотрев в мою сторону.

— Ты имеешь в виду до того, как ты пришел в Центр?

— Да. Тогда-то я и понял, что настало время все это закончить. Тебе пришло время двигаться дальше. Вот почему в этот раз я даже не попытался разжечь в тебе то, что ты чувствовала ко мне раньше, Теодора. Мне нужны были просто твои силы, чтобы ты убила меня. Тому, что постоянно возникает между нами... — он провел пальцем от меня до него, — пора положить конец.

— Что ж, ты ошибаешься. Ты просто в корне не прав, Мак. Я не готова сдаться. Ни на грамм.

После моих слов человеческое тепло в глазах Мака исчезло. Он резво поднялся с кушетки, поднял меня и швырнул на пол.

— Не спорь со мной, сука! — прорычал он, сдавливая руками мою шею. — Ты сделала это со мной и сама должна была предложить помощь! Ты всегда знала, что этим все и закончится, правда, Олла?

Цепляясь за его руки, я смогла выдавить из себя слова, которые он хотел услышать:

— Ладно, будь по-твоему, — прохрипела я. — Я тебя убью!

Мак медленно ослабил хватку, и на его лице отразился испуг.

— Блядь! — Мак заключил меня в объятия и прижал к своей груди.

— Черт! Черт! Черт! С тобой все в порядке?

Благодарная за то, что могу дышать, я сделала тяжелый вдох и отчаянно кивнула, прижавшись к его быстро вздымающейся от испуга груди.

— Я в порядке...

Только вот сейчас, как никогда, я была полна решимости спасти его. Я не хотела его смерти. Он заслуживал покоя и той жизни, которую я у него отняла.

Мак слегка отстранил меня, чтобы заглянуть мне в глаза, в его же глазах плясало отражение огня из камина.

— Ты серьезно? Ты правда сделаешь то, что сказала?

Боже, мне так не хотелось лгать этому мужчине, но больше ничего не

оставалось. Он должен был видеть, что я на его стороне. Мне просто нужно было понять, как снять это ужасное проклятье, и наверняка часть меня знала это. Только потребуется время, чтобы вытащить это знание на поверхность. Больше времени.

— Серьезно, — солгала я. — Только я хочу кое-что взамен.

Мак крепче прижал меня к себе, и его взгляд остановился на моих губах. Конечно, это даже близко не было похоже на то, что я планировала, но идея оказалась будоражащей.

«Черт, ведь мне нужно потянуть время, правда же?»

— Когда я увидел этот твой взгляд впервые, женщина... — улыбнулся Мак, — ты втянула меня в адские неприятности.

Я ничего не могла с собой поделать. Просто не могла. В ответ на его улыбку мое сердце то замирало, то билось как сумасшедшее. Я понимала, что этот человек всего пару минут назад пытался меня задушить, но теперь... Боже... Его взгляд был таким гипнотическим, таким соблазнительным, сулящим мне нежность и грубость.

«Проклятье!»

Я протянула руку и, обняв его за шею, потянулась своими губами к его. Наши губы встретились в поцелуе, который был подобен разряду электричества, пронзившему нас обоих. Интересно, об этом говорят люди, когда сравнивают любовь с разрядом молнии? Как бы то ни было, я не могла отрицать свои чувства, свою дикую потребность в этом мужчине. Я наслаждалась каждой секундой этого поцелуя. Грубостью щетины Мака, нежностью его губ. Как и ожидалось, это был греховный контраст: грубость и нежность в одном.

Мак легко касался моих губ, словно упиваясь нежностью этого момента. Как и я. Меня целовали раньше, но тогда я ровным счетом ничего не испытывала. А сейчас эти нежные касания отзывались прямо в моем сердце.

Возможно, он не хотел пугать меня или просто проверял мою решимость. Ожидая, когда во мне щелкнет переключатель и я пойду на попятную. Я же точно знала, что этот мужчина не может быть злом. Он был коварным, соблазнительным, красивым, но только не злом. Я запустила руки в его волосы, сжала их и провела языком по его нижней губе, призывая Мака дать мне больше. И он сделал это.

Нежность ушла, уступив место страсти. Приоткрыв мои губы, его

язык ворвался внутрь, разжигая пламя моего желания еще больше.

О, Господи. Его вкус, его запах были ни с чем не сравнимы. Тепло и мощь его тела, прижимающегося к моему, давали мне понять, почему я не смогла устоять перед ним еще три тысячи лет назад. Этот мужчина был воплощением чистого соблазна.

Мы были похожи на диких подростков с бушующими в крови гормонами. Я легла на пол, а Мак расположился между моих ног. Теплая и мягкая медвежья шкура под нашими телами просто располагала к тому, чтобы мы остались обнаженными и занялись на ней любовью, но мне было понятно, что у Мака были другие планы. Он пытался держать себя под контролем. Я чувствовала, что Мак был хорошим любовником, и мне хотелось, чтобы он отпустил ситуацию и перестал сдерживаться. Всю свою жизнь я мечтала ощутить нечто подобное, и мне хотелось познать большее именно с ним.

Теплая рука Мака скользнула под мою одежду, и его пальцы нежно погладили кожу под моей грудью, но так и не коснулись самой груди.

Это была пытка. Сладкая, восхитительная пытка.

Несмотря на то, что Мак практически лежал на мне, он не давал мне почувствовать, насколько он возбужден. Но я могла судить о его возбуждении по его измененному дыханию, по дрожи, по тому, как изменились его поцелуи. Сейчас Мак был главным, он дразнил, играл со мной, и ему это нравилось. Но мне хотелось большего. Нет, не хотелось. Я нуждалась в большем.

Я обхватила ногами его бедра, прижимаясь теснее к его телу, и почувствовала восхитительную твердость под его джинсами. Мак отстранился и, сжав мои запястья, прижал их к полу над моей головой. В ответ на его грубость я прикусила его нижнюю губу, и наши поцелуи стали жестче. Мак проложил дорожку из поцелуев по моей шее и прикусил меня в местечке у ключицы, вызвав реакцию, о которой я даже не могла мечтать. Его щетина колола чувствительную кожу, а язык и губы дарили мне наслаждение. Этот контраст вызывал в голове картины того, что он мог бы делать своими губами и языком с моими твердыми от возбуждения сосками или с моим клитором.

Тихий стон вырвался прямо из моего нутра.

— Что ты делаешь со мной? — прошептала я.

— М-м-м... — его руки отпустили мои запястья и вновь оказались у

моей груди, но на этот раз он освободил ее из бюстгальтера.

Я ахнула, когда его руки обхватили мою грудь. Каждое его движение, каждое прикосновение вызывало у меня ощущения, усиленные в несколько раз. Наверное, потому, что я не испытывала настоящих эмоций при близости с кем-то другим. Мак определенно был тем мужчиной, в котором я нуждалась всю жизнь.

— Наш первый раз был таким же? — спросила я, когда он вернулся с поцелуями к моим губам, и Мак внезапно отстранился.

— Ты, правда, хочешь, чтобы я ответил?

Я кивнула.

— После нашего соития я не смог быть ни с одной женщиной. Это был самый лучший момент в моей жизни.

Я сглотнула, пытаясь сдержать слезы, но не смогла.

— Почему тебя это огорчает? — спросил он тихим бархатистым голосом.

— Потому что я этого не помню.

Мак дерзко мне улыбнулся.

— Возможно, тебе просто нужно освежить память.

Внезапно в моей груди стало тесно от нахлынувших на меня чувств. Если бы в этот момент меня спросили, что я чувствую, я бы точно ответила, что это любовь. Да, я его любила. Всецело, отчаянно и глубоко, и совершенно не знала, что с этим делать. Я никогда не испытывала такой потребности в ком-то.

«Черт! Это для меня чересчур».

Подавляя поднывавшую во мне панику, я убрала его руку с моей груди и села.

— Я тебя не виню, — сказал Мак, неверно истолковывая мои действия. — Я бы тоже не хотел рисковать своим душевным равновесием.

Я посмотрела на Мака, который повернулся на бок и подложил под голову руку. Он выглядел таким спокойным.

— Дело не в этом! — сказала ему я, потому что на самом деле хотела его больше, чем кого-либо еще.

— Надеюсь, ты не будешь заставлять меня ждать.

Я приняла сидячее положение, прислонившись спиной к кушетке, и, наклонившись вперед, закрыла лицо руками. Я не хотела рассказывать ему, что творится в моей голове, но сомневалась, что это может его шокировать.

— Я думаю, что я просто ...

Я замолчала, а Мак грозно на меня посмотрел.

— Теперь я настаиваю на том, чтобы ты мне рассказала о том, что происходит в твоей голове! — в его голосе были ясно слышны нотки раздражения. — Или ты считаешь, что слишком хороша для того, чтобы делиться мыслями с тем, кого ты считаешь психом? Или в глубине души ты до сих пор относишься ко мне как к своему пациенту?

— Что? Нет! Я хочу тебе помочь! И не думаю, что слишком хороша.

Я думала о том, что если не могу справиться со своими чувствами в данный момент, то как я буду справляться с ними, если мы с Максом станем настолько близки? А еще я считала, что не смогу угодить ему в постели. Ведь раньше секс был для меня лишь видом какой-то физической активности, которым я занималась вместе со своим бывшим парнем просто для того, чтобы он был доволен. В итоге, удовлетворяя свои потребности, он переспал с моей лучшей подругой.

— В чем тогда проблема? — прервал мои размышления Мак.

— Это нелегко объяснить.

— Мне казалось, что трудные беседы — это твой конек. Предлагаю возложить надежды на твою докторскую степень.

— Я... ну... до того, как я встретила тебя в этот раз... у меня была некая патология...

— Продолжай. — Мак тоже сел, облокотившись спиной на кресло.

— Раньше я не испытывала никаких чувств.

Он скрестил руки на груди.

— В смысле?

— В прямом. Я ничего не чувствовала, как будто эта часть меня была

сломана. То есть я понимала, какая ситуация развивалась вокруг меня, и знала, какой должна была быть моя реакция, чтобы этой ситуации соответствовать. Я должна была смеяться, если кто-то шутил, улыбаться в ответ на комплименты и делать грустный вид, если кому-то плохо, но никаких эмоций и чувств при этом я не испытывала.

Мак нахмурился, будто бы размышляя.

— А теперь? — спросил он.

— Когда я посмотрела в твои глаза, внутри меня как будто что-то щелкнуло. Я излечилась. Ты излечил меня?

Мак поджал губы и провел рукой по своему подбородку.

— Я не знаю... — голос Мака перешел на шепот. — Все возможно.

— Когда ты встречал меня раньше, я была такой же?

— Нет. Ты была нормальной. В смысле ты и так нормальная, а не чокнутая, ну ты меня поняла. Ты всегда уникальна и красива, независимо от тела, в котором ты находишься. И дар Провидца тебя тоже никогда не покидал.

От его слов по моему телу, буквально от макушки до пят, побежали мурашки. Никогда раньше я не чувствовала себя желанной, обожаемой.

— Но я правда не чувствую, что на самом деле я — это какой-то другой человек, не считая того, что внезапно стала как-то некомпетентна и не могу справиться с этой ситуацией.

— Ты очень сильна, уж поверь мне. И ты можешь справиться с чем угодно. Даже со мной.

На его лице появилась самая милая улыбка, на которую я даже не надеялась, и, пока грелась в ее лучах, мой мозг начал судорожно сопоставлять факты. Единственное, что я на самом деле за собой замечала — своего рода дар видеть болезни, не только психологические. Я помнила, как лет в пять мой дедушка жаловался мне на усталость, и в ответ я сказала ему, что к его сердцу поступает недостаточное количество крови. Не знаю почему, но мне это казалось очевидным, а через три дня у дедушки случился сердечный приступ. Слава Богу, он выжил и прожил еще долгих десять лет.

— Провидцы связаны с той частью нашего мира, которую нельзя

увидеть, — продолжал Мак. — С окружающей нас энергией, светом, которым наполнены наши души. Ты способна использовать их, бросая вызов всем законам природы, но даже для Провидца не слыханы путешествия во времени.

— Черт. Единственная вещь о прошлом, которая мне доступна, — это сны о том, как твой брат словно животное охотится за мной. По крайней мере, я думаю, что это он.

— Гребаный Кинг! — застонал Мак. — Если бы только знала, сколько раз мы бились из-за тебя.

— Правда? — не знаю почему, но эта новость удивила меня.

— Правда. Каким-то образом он прямо чувствует, что ты реинкарнируешь, а потом, что ты где-то рядом со мной. Потом он отслеживает тебя и убивает.

— Но почему он думает, что это повторится сейчас? Чего он опасается?

— Он никогда не отвечает мне на эти вопросы. Возможно, он опасается того, что своими мольбами я добьюсь того, чтобы ты помогла мне и отпустила. Как и произойдет сейчас.

Только вот я не желала его смерти, лишь чувствовала непреодолимое желание спасти этого мужчину. Эти люди глубоко заблуждались. Во всяком случае, узнав, что его ищут, мне хотелось убить каждого, кроме Мака. Мне хотелось защитить его.

— Я всегда понимал, что у Кинга очень искаженная любовь ко мне, но также чувствовал себя виноватым, потому что он отказался от жизни ради того, чтобы жил я. Поэтому несколько столетий я пытался держаться от него подальше.

— И где ты пропадал?

— Везде, где могли пригодиться мои навыки. Я сражался практически на всех войнах, которые ты можешь вспомнить: на Гражданской, двух Мировых. Я шел по пути крови. Я летал на самолетах и вертолетах, водил артиллерийские установки и танки, служил в пехоте.

— Станный патриотический способ отпустить ситуацию.

— Только после войны в Персидском заливе я бросил это дело.

— Почему?

— Я пытал заключенных. Триста шестьдесят восемь человек испытали мою злость на себе. Однажды я наблюдал за допросом девушки ненамного старше меня. Я помню, как тоже думал, что она что-то скрывает. Двое мужчин под моим командованием не продвинулись в допросе, и я сам решил взяться за это дело. И в тот момент, когда она впервые закричала, я будто бы очнулся, понял, где я и что вытворяю, как будто на протяжении веков находился под чьим-то гипнозом. Мне было так плохо и так противно от самого себя, что я ушел, даже не оглядываясь. Несколько лет после этого у меня не отложились в памяти, а затем я променял свою свободу на женщину, которая обладала особым даром и могла заставить меня забыть весь этот кошмар в обмен на... мои услуги.

— То есть... сексуальные услуги?

Я знала, что ему нет необходимости изворачиваться и лгать мне.

— Ага. Более того, она держала меня связанным в своем подвале. Кинг нашел меня и выторговал у нее мою свободу, но, как только меня освободили, я снова покинул брата. Чтобы прийти в себя, мне понадобилось несколько лет, но Кинг не сдавался и не бросал попыток меня вернуть.

— Он и правда тебя любит. — Внезапно мне стало не по себе от противоречивых чувств, которые я испытывала к Кингу.

Что же касается остальных аспектов жизни Мака, то мне требовалось время, чтобы попытаться понять и как-то смириться с его поступками. Возможно, мне требовалась целая жизнь. Все это было чертовски сложно.

— Да, мой брат любит меня, — согласился Мак. — Именно поэтому я сделал все возможное, чтобы он мог вернуть свою жизнь, освободиться от проклятия и быть счастливым с Мией и их маленьким сыном.

Вот оно! Вот тот ключик, который способен вернуть Маку надежду. Его глаза искрились, когда он рассказывал мне о новой жизни Кинга. Возможно, он и для себя хотел подобного будущего.

— Если твой брат был не таким уж хорошим человеком, да и к тому же был проклят, то я могу себе представить, как тяжело ему далось забыть прошлое.

Мак покачал головой.

— Почему-то все считают, что я лучше брата, но, по сравнению со мной, Кинг — чертов святой. Я убил тысячи людей, Теодора.

Я перевела взгляд на свои руки, пытаюсь вникнуть в смысл его слов.

— Но большинство этих убийств было совершено в ходе сражения.

— Какая разница?

— Большая. Потому что если ты считаешь себя чудовищем за то, что убивал людей во время войны, то получается, что каждый, воевавший за свою страну, тоже не достоин жизни. Я уверена, что ты чувствуешь не совсем то, о чем говоришь.

— Я убивал ради своего удовольствия. Мне было плевать на патриотизм и политические распри.

— Это не имеет значения. В итоге мы говорим об одном и том же.

— Этот спор бессмысленный, Теодора. Тебе просто нужно согласиться с тем, что я плохой человек и что меня нужно остановить.

«Черт его подери! Он такой упрямый!» Но тот факт, что Мак хотел умереть ради того, чтобы защитить людей от себя самого, тоже свидетельствует о его добром сердце.

— Прекрасно! Ты зол и опасен, и я обязательно убью тебя после того, как услышу в деталях обо всем, что связано с нашими последующими встречами...

«Черт! Мне нужно больше времени!»

— У нас нет на это времени! Мой брат очень скоро нас найдет, я чувствую это.

Проклятье! Чем больше я провожу времени с Маком, тем больше чувствую, что что-то упускаю и неспроста не могу вспомнить свои прошлые жизни. Возможно, со мной что-то случилось и именно из-за этого моя память не возвращается, как возвращалась раньше.

Наверное, ответы на то, как я могу помочь Маку, где-то внутри меня.

— Тогда расскажи мне о нашей последней встрече.

Я отчаянно нуждалась в любой подсказке. Из груди Мака вырвался глубокий сексуальный гортанный стон.

«Игнорируй! Игнорируй!»

— Пожалуйста, Мак. Когда тебя не станет, я потеряю все шансы узнать об этом.

Мак кивнул, соглашаясь со мной, и, засучив рукав, указал мне на одну из татуировок в виде даты.

— Тогда мы встретились в последний раз.

— Так эти татуировки — это все наши встречи?

— Да.

«Вот блин!»

Честно говоря, глядя на Мака, было трудно предположить, что он мог совершать такие сентиментальные поступки. Я почувствовала, как мои внутренности плавятся, превращаясь в сироп.

— Это... очень трогательно.

— Это был единственный способ оплакать мою потерю.

Я нахмурилась.

— Прости, я не понимала, насколько тяжело тебе пришлось.

— Каждый раз, когда ты умирала, вместе с тобой умирала и часть меня, пока совсем ничего не осталось.

Эти слова Мака только укрепили мою решимость, и сдаваться я не собиралась. Ни за что. Пусть мой разум не знал этого человека, но зато его знало мое сердце, и оно всем своим существом заставляло меня бороться за Мака.

Чтобы он перестал думать о смерти хоть на какое-то время, я решила на тот единственный поступок, который мог его отвлечь. Встав на ноги, я сняла свою футболку, расстегнула бюстгальтер и, бросив их на пол, стала снимать с себя джинсы и трусики.

Все еще сидя на полу и смотря на меня, Мак улыбнулся.

— Черт! Если бы я знал, что показ моих татуировок обеспечит мне допуск к твоим трусикам, я бы начал именно с них.

Опустившись на колени рядом с ним, я обняла Мака за шею и потянулась к его губам.

— Давай ты просто заткнешься и трахнешь меня?

Услышав этот вопрос, Мак даже не пошевелился. Более того, улыбка не сходила с его лица.

— Только если ты настаиваешь, но должен предупредить, что ты не увидишь лучшее из того, что я могу с тобой сделать.

— В смысле? — засмеялась я.

— Я чувствую приближение Кинга. Это значит, что у нас есть максимум час. Чтобы хорошенько тебя, как ты выражаешься, «оттрахать», мне нужно раз в шесть больше времени.

«Наверное, я даже за миллион лет не пойму, как эти двое связаны друг с другом... Что он сказал?»

— Шесть часов для секса? — я сглотнула.

— Секс — это еще одна вещь, в которой, как я считаю, я хорош. Но с тобой, и только с тобой, я люблю делать это медленно, наслаждаясь каждой секундой.

— Я согласна на быстрый секс, но как-нибудь потом мы приготовим это блюдо на медленном огне.

— Нет, Теодора! — Мак стал злиться. — Никаких больше перепихонов по-быстрому.

— О, Боже! Мы делали это и раньше, да? В последнюю нашу встречу?

— Да.

— Но ты сказал, что твой брат нашел меня раньше тебя.

— Я, блядь, солгал.

— Но зачем?

— Потому что я ненавижу вспоминать нашу прошлую встречу. Мы провели вместе ночь, ты, как обычно, пыталась придумать, как меня спасти, но все опять же, как обычно, пошло не так. Мне пришлось смотреть на то, как ты умираешь, Теодора.

Вот дерьмо! Его полный боли взгляд разбивал мое сердце. Я уже была готова начать думать, что Мак хотел умереть только для того, чтобы не видеть, как Кинг снова меня убьет.

«Что, черт возьми, творится с его братом?»

Мне хотелось, чтобы Мак не думал о наших смертях.

— Ты сказал, что согласен на секс, если я настаиваю?

На лице Мака появилась мальчишеская улыбка, которая показала мне, каким он может быть: беззаботным, игривым, милым.

— Ты же собираешься сдержать свое слово?

— Конечно, — снова солгала я.

Мак запустил руку в мои волосы и, притянув мое лицо к своему, впился в мои губы своими. Его язык ворвался в мой рот, как ураган, посылая электрические разряды через все мое тело. Позволяя мне и дальше его обнимать, Мак убрал свою руку от моей головы и сжал мою грудь своими сильными руками. Когда его пальцы стали потирать мои соски, я не смогла сдержать стон. Это было все, чего мне хотелось. Он. Я. Близость, граничащая с грубостью.

Я оседлала его колени и стала лихорадочно расстегивать его джинсы. Мак приподнял бедра, чтобы я могла сдвинуть джинсы достаточно для того, чтобы освободить его член.

— Вау! — все, что я могла сказать, когда джинсы Мака были спущены. — Впечатляет.

— Подожди, пока не почувствуешь, на что он способен, детка. — Мак улыбнулся и снова обрушился на мои губы с поцелуями.

Я обхватила ладонью его твердую плоть и стала поглаживать ее по всей длине, желая довести Мака до болезненного желания, которое ощущало мое собственное тело. Отвечая на его дикие поцелуи, я направила головку его члена к своему влажному лону. Все мои мысли были сосредоточены лишь на том, как я хочу ощутить его внутри себя. У меня никогда не было секса с мужчиной, которого так одарила природа, да и вообще я никогда не чувствовала, что могу воспламениться, если не получу желаемое.

Сжав мои бедра, Мак толкнулся вверх, ускоряя свое проникновение. Я откинулась назад и ахнула, ощутив, как меня наполнил его член.

— О, Боже, Мак! Вот это да!

Улыбнувшись, Мак опустил голову и втянул в рот один из моих сосков, заставляя меня выгнуться всем телом. Посасывания стали почти болезненными, а потом сменились на легкие круговые движения кончиком языка по ореолу моего соска, затем Мак переключился на вторую грудь, а я приподнялась на колени и

наслаждалась ощущением трения его плоти о стенки моего влагалища. Мак застонал, и мне захотелось услышать его стон снова. Я резко опустилась вниз, и наше дыхание вдруг стало очень тяжелым, а пронзившее меня удовольствие я не могла сравнить абсолютно ни с чем.

— Еще... — потребовал Мак хриплым от похоти голосом.

Я снова медленно поднялась на колени, вытащив из себя его член полностью. А затем, целуя Мака, я снова опустилась вниз, и в момент, когда головка его члена проникла в меня мы оба застонали. Внезапно Мак сжал мое тело и перевернулся так, что я оказалась распростертой на спине. Одной рукой Мак опустил свои джинсы еще ниже и вошел в меня глубже.

— О, да! — простонала я.

Я хотела почувствовать под своими руками, как мышцы на его спине напрягаются при каждом толчке, хотела сжать его аппетитную задницу. Мак дал мне и то, и другое.

Я сжимала его задницу, и мы в нетерпеливом темпе двигались навстречу нашим оргазмам. Несмотря на то, что мое тело реагировало на Мака просто на клеточном уровне, я не хотела кончать, зная, что другого шанса у нас больше может не быть. Наши языки танцевали в животном, чувственном ритме, а бедра двигались навстречу друг другу, и я поняла, что вступила сейчас на неизвестную мне территорию, и неважно, что мое тело было рабом биологии, я все равно была рада, что познаю это все именно с этим мужчиной.

— Мак, я на грани... — задыхаясь, прошептала я.

— Я тоже! — застонал он, снова меня целуя.

— Я не принимаю таблеток...

— Плевать!

Черт возьми. Беременность не входила в мои планы, но и останавливаться мне не хотелось.

— О, черт. Мак!

Все мое тело напряглось, когда я почувствовала, как по нему проходит волна удовольствия, задевающая каждое нервное окончание, ослепляющая меня. Движения Мака стали резче, будто бы он хотел, чтобы я получила каждую каплю этих новых ощущений.

Оргазм заставлял сокращаться каждую мышцу моего тела, пропитав их чистейшим экстазом.

Конечно, никакой сыр, прогулки и горячие ванны с этим не сравнятся.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что все закончилось, а Мак, сделав еще пару движений, вышел из меня и, простонав, излил спермой на мой живот. Честно говоря, выглядел он при этом чертовски сексуально. Спустя пару мгновений он лег рядом со мной, его грудь вздымалась от напряжения, и дыхание все еще было прерывистым.

— С каждым разом все лучше...

Боже, как же мне хотелось помнить то же самое, что и он.

Через какое-то время Мак вытер меня мокрой тряпочкой и укрыл стеганым одеялом, висевшим на подлокотнике кресла.

— Я буду скучать по этому танцу, Теодора.

— Танцу?

— Да. Ты. Я. Наши тела двигаются словно в ритме танца.

— Только обнаженные.

Мак хихикнул.

— Точно, — хихикнул Мак.

— Ну и ну, блядь. Что тут у нас? — услышала я странный женский голос.

Я подняла глаза и увидела анорексичную блондинку. На ее знакомом лице расплылась садистская усмешка. Это была женщина, которую я встретила в Центре, она приходила к Маку и, судя по ее виду, к людям она относится не лучше, чем к дерьму под своей подошвой.

Только вот что она делает здесь?

Глава 17

Мак

«Как, черт возьми, Миранда нашла нас?»

Да, я знал, что она хитра и обладает арсеналом могущественных артефактов, сравнимым разве что с коллекцией моего брата, но она была последним человеком, которого я ожидал увидеть здесь. Не то чтобы я рассчитывал на то, что она не станет меня искать. Это вообще не стало неожиданностью.

У меня была лишь одна чаша инков, но мне нужно было получить две услуги: найти Теодору и снять, а потом и уничтожить ожерелье Клеопатры, чтобы я не мог вернуться к жизни. Я отдал чашу Миранде в обмен на снятие ожерелья, но, чтобы уничтожить его, ей пришлось прибегнуть к услугам других членов Десятого клуба.

Талия, как раз-таки одна из других членов клуба, помогла мне найти Теодору. Вернее, она одолжила мне своего следопыта, женщину с экстрасенсорными способностями. Да, у Талии, как и у многих членов Десятого клуба, во владении имелись и люди.

Так что же из себя представляет Десятый клуб, спросите вы? Представьте, что самые влиятельные люди мира: нефтяные магнаты, генеральные директора, миллиардеры, президенты крупных стран и старые добрые аристократы — со всеми их ублюдочно садистскими фетишами, психическими расстройствами и ненасытной жадностью собрались вместе, создав клуб, в котором они объединили свои возможности и сформировали союзы, сделавшие их неуязвимыми перед законом. Конечно же там были и люди из правительства. Вернее, это клуб помог им стать чиновниками. Членство могло воплотить в жизнь все ваши желания, однако валюта, которой нужно было платить, — это совсем не деньги. Они оплачивали услуги друг друга людьми, оружием, а также предметами и артефактами, которые относились к оккультным вещам и которые нельзя купить за деньги.

Откуда я столько знаю?

Кинг сформировал эту сеть тысячи лет назад, управляя ею тайно, чтобы найти артефакт, камень, который вернул его к жизни. Но параллельно он создал такую коллекцию этих артефактов, что позавидовал бы любой из членов Десятого клуба. Конечно, сейчас у моего брата было все, о чем тот мечтал, включая обладание собственными душой и телом, и еще он перестал быть таким садистским сукиным сыном, но теперь его бременем стала цель уничтожить созданного им монстра.

А я стал краеугольным камнем его планов.

Наверное, вы уже догадались, что я должен был делать. Да, убивать членов этого клуба. И нет, мне было их абсолютно не жалко, поскольку на руках этих людей было столько крови, что даже мне не снилось.

Предыдущий президент, например, которого звали Ваун, скупал женщин экзотической внешности. Потом он устраивал своего рода представления, беря плату за то, что люди будут смотреть, как он освеживается этих несчастных. Иногда он приклеивал кожу его жертв к телу его умершей любовницы, чтобы заниматься сексом с ее трупом. Да, как я уже говорил, все они были больными ублюдками. Каждый из них. И я бы с удовольствием избавил мир от них всех, если бы не тот факт, что мне настала пора покончить со своим существованием. Пусть я не был таким больным, как они, но тоже представлял опасность для людей.

Миранда стала действующим президентом Десятого клуба и понятия не имела о том, что именно мой брат был основателем и тайным руководителем всего этого бедлама. Большинство членов клуба согласились, чтобы человек, управляющий средствами и обеспечивающий то, что они никогда не попадали под прицел властей, а тем более в тюрьму за их, мягко говоря, незаконную деятельность, включающую в себя похищения, убийства, пытки и порабощения, предпочитает оставаться анонимным, дабы самому не стать мишенью. Ведь, в конце концов, эти люди постоянно воровали друг у друга и наносили удары в спину, стремясь извести соперников.

Я же обманул Миранду, отдав ей поддельную чашу инков. И вот теперь она здесь, чтобы забрать оригинал, вместе с моей жизнью.

— Миранда... — вздохнул я. — Я думал, ты занята тем, что вытрапливаешь вшей из своих волос или душишь котят.

— Мак, кто она? — спросила Теодора.

— Я, сука, та, которая убьет его за обман! — Миранда вытащила из кожаной сумки поддельную чашу и швырнула ее в меня, но рукой я блокировал попадание в мою голову. — Где, черт возьми, настоящая, Мак? — зарычала Миранда.

— Хотел бы я знать! — солгал я.

— Я дам тебе три секунды, чтобы подумать и дать мне правильный ответ, иначе твоя маленькая сучка лишится головы.

Я встал с пола, стараясь держаться между Мирандой и Теодорой. Жизнь для первой из них не представляла никакой ценности, кроме удовольствия, которое она от нее получала. Я знаю, почему ей нравилось владеть мной, тогда, когда она держала меня запертым в ее подвале: Миранда убивала меня, я возвращался к жизни, затем она снова меня пытала и убивала, и не могла насытиться. Иногда перед убийством Миранда воплощала в жизнь свои мерзкие сексуальные фантазии. Эта женщина была настоящим злом во плоти.

— Миранда, я думаю, мы оба знаем, как все произойдет.

Я сделаю все, что в моих силах, чтобы убить ее, а она использует одну из своих способностей, чтобы подчинить меня себе. В итоге я умру, а она не получит ответа на свой вопрос. Да, мы уже проходили через это, когда я находился в подвале, а ей нужна была информация о моем брате. Я никогда не сдавался.

Миранда улыбнулась и откинула назад свои светлые длинные волосы. Мне всегда было интересно, почему она выглядела так мерзко: от ее костлявой изможденной фигуры и до одежды, неизменных кожаных штанов с принтом в виде рисунков со шкур разных животных. Женщине нужно было бы работать без отдыха, чтобы выглядеть так плохо.

— Да. Я знаю, — улыбнулась она. — Ты скажешь мне, где сейчас находится чаша инков, или я перережу тебе горло.

Нет. На самом деле она хотела убить нас обоих. Меня и Теодору.

Проклятье, мне нужно было вытащить Теодору из этого дома. Конечно, это означало, что Миранда может прикончить меня, и моя душа будет вечно бродить по Земле, по-прежнему проклятая.

Вот черт. Почему я даже вздохнуть спокойно не могу?

~

Тедди

Женщина, в которой я признала посетительницу палаты Мака в Центре, продолжала стоять в дверях. Одета она была в жуткие розовые обтягивающие штаны с леопардовыми пятнами и майку с золотыми стразами, а ее блондинистые волосы находились в полном беспорядке и напоминали солому. Мне показались странными

чувства, которые я испытала по отношению к ней. Мне захотелось расправиться с ней самым жестоким образом.

Почему? Если бы я знала. Видимо, кто-то что-то сделал со мной и стер мои воспоминания, но их эмоциональное проявление осталось со мной. Например, я любила Мака, боялась Кинга и ненавидела эту сучку. Всерьез ненавидела.

— Мне нравится ваш стиль, леди. Просто потрясный, — высказалась я.

Она посмотрела на меня, но потом снова перевела взгляд на Мака.

— Кто эта маленькая шлюшка, Мак?

Мак, совершенно не стыдясь того, что она видит его абсолютно голым, неспешно нашел и надел свои джинсы, заставляя ее ждать ответа.

— Так... я подобрал ее, чтобы скоротать время.

— Чушь собачья! — возразила она. — Я ее чувствую. Кто она?

Мак покачал головой.

— Она не продается, Миранда!

«Продаюсь? Какого хрена?!»

Женщина пожала плечами.

— Жаль. Тогда, может, я просто ее заберу?

Мак в ответ на этот вопрос зарычал.

— Давай так... Я скажу тебе, где настоящая чаша, если ты позволишь ей уйти.

— И ты дашь мне себя убить?

— Конечно.

— Мак, нет! — запротестовала я.

Что он творит? Он ведь говорил, что я единственная, кто способен лишить его жизни по-настоящему. Получается, если эта женщина его убьет, то он снова станет измученной, проклятой душой.

Мак оглянулся и посмотрел на меня.

— Иди, все хорошо. Миранда вправе это сделать после того, как я

обманул ее.

— Я никуда не уйду! — На самом деле мой мозг уже нашел оружие и разработал план атаки.

На столике, рядом с ключами от машины лежал небольшой нож. Я бы взяла в руки и то, и другое и, проходя мимо этой женщины, вонзила бы нож в ее горло.

Иисусе! По всем признакам в убийстве я была отнюдь не новичком.

— Это не просьба!

Разозлившись, я сбросила одеяло, которым прикрывала свое обнаженное тело, и натянула на себя свою одежду. Подойдя к столику, заслонила его собой, чтобы женщина не видела, что я с него беру. Я взяла нож в правую руку, прижимая его к внутренней стороне запястья, чтобы скрыть его как можно лучше.

— Мак... я правда думаю, что...

— Просто уйди отсюда!

— Прекрасно! В любом случае я получила то, что хотела.

Я взглянула на него еще раз и прошла к двери, в метре от которой стояла Миранда. Казалось, мне повезло, потому что она не сдвинулась ни на один шаг, когда я подошла.

Сделав еще один шаг, я метнула нож, целясь в ее шею, но быстрее, чем мог отреагировать мой взгляд, Миранда отошла в сторону, а Мак бросился вперед.

Нож попал прямо в шею Мака, и я закричала.

Глава 18

Тедди

Блондинка истерически засмеялась, когда Мак упал, прижимая руку к ране. Кровь не просто капала на пол, она текла, как из крана.

— Мак! — Я уронила нож и упала рядом с ним на колени. — Боже! Что я наделала?

— Бьюсь об заклад, сейчас он жалеет, что снял ожерелье, —

усмехнулась женщина, но я проигнорировала ее слова.

Все что я могла видеть, были угасающие цветные пятна вокруг Мака: черный, синий.

— Нет, нет, нет, нет! — Я положила свою руку вместе с его рукой, стараясь прижимать их к ране посильнее, но все было бесполезно.

Мак просто неподвижно лежал на полу, а его голубые глаза смотрели в потолок.

— Наконец-то. Ты выполнила обещание. Спасибо!

— Нет! Я солгала тебе! Я еще не готова тебя отпустить! — мой голос срывался на хрип. — Я так много могу сделать для тебя.

«Если бы у меня было больше времени».

— Я не заслуживаю твоей помощи, Теодора. Но я люблю тебя. Всегда любил и всегда буду любить... — Мак стал задыхаться и кашлять. — Скажи... Кингу... что... — его голос стал таким тихим и низким, что я толком не могла ничего расслышать. Я услышала только что-то про теплое место, в которое он хочет попасть, или что-то вроде того.

«Черт! Этого не может быть!»

— Я тоже тебя люблю! Очень люблю! Не бросай меня! — Но я видела, как жизнь покидает тело Мака. — Нет! Мак, нет! — закричала я. — Я не позволю тебе меня бросить!

Однако душа уже покинула его тело, и я почувствовала, как часть меня уходит вместе с ним. Как такое могло случиться? Неужели Кинг был прав, и я все это время была способна на убийство этого мужчины?

Продолжая рыдать над его телом, я мечтала повернуть время вспять или воспользоваться дарами, которыми якобы обладала.

— Вот дерьмо! — произнесла женщина, стоящая позади меня. — Теперь мне придется искать чашу другими путями. А что касается тебя, девочка, я не прощаю покушений на мою жизнь.

Я схватила нож, который лежал у моих ног, и одним движением метнула его в ее сторону. Он попал в ее правый глаз, а затем Миранда рухнула на пол, как мешок с мокрым песком. Как научилась владеть этим мастерством, я не знала, да и мне было все равно.

Я повернулась к Маку и смотрела, как исчезает магия этого места, а с его лица будто бы сползает маска, превращая его в того человека, которого я впервые встретила в Центре: светловолосого, загорелого, с небольшой щетиной медового цвета. Этого человека я встретила совсем недавно, а душа того мужчины, которого я так давно люблю, покинула этот мир.

— Нет! — слышался с порога отчаянный вопль.

Оглянувшись, я увидела Кинга, который недоверчиво смотрел на тело своего мертвого брата. У Мии, стоящей рядом с ним, из глаз закапали слезы.

— Сука! — взревел Кинг. — Нужно было убить тебя, пока была такая возможность!

Кинг ринулся ко мне, но Миа схватила его за руку и стала оттаскивать назад.

— Кинг, нет!

Кинг повернулся к ней и, тыча в ее сторону пальцем, стал яростно кричать:

— Это ты во всем виновата! И зачем я только тебя послушал!

В глазах Мии отразилась вина и обида.

— Это... это был несчастный случай... — пробормотала я, вытирая слезы. — Я пыталась покончить с этой женщиной, но Мак так неожиданно оказался на ее месте и... — я не могла закончить фразу.

— Ты действительно думаешь, что это имеет значение? — зарычал Кинг.

Он и правда выглядел как хищник, несмотря на свой дорогуший черный костюм.

— В этот раз я не смогу его вернуть!

Он попытался приблизиться ко мне, но Миа вновь его остановила:

— Ты не можешь ее убить. Мак не хотел бы этого, и я тоже.

Кинг посмотрел на Мию, и вокруг него стали проявляться всполохи красного цвета.

Я подумала, что это была ярость.

— Просто... — Миа судорожно вздохнула, — просто выйди на

минутку, дорогой, пожалуйста.

Кинг покачал головой, в его глазах было столько боли безумия, что это разбивало мне сердце, но больше всего меня «убивал» вид лежащего передо мной тела.

— Мак, я не знаю, слышишь ли ты меня, но я умоляю тебя, не уходи!

Да, я разговаривала с его душой. Я не знала, как это все работает, но надеялась, что он еще не ушел туда, куда уходят души людей, освобожденные от несправедливых и мучительных тысячелетних проклятий.

Я почувствовала теплую руку Мии на своем плече, а потом она села на колени рядом со мной.

— Все произошло так быстро, — всхлипывала я. — Я пыталась его спасти. Правда, пыталась.

— Я знаю, солнышко.

Миа закрыла глаза и взяла руку Мака, сжав ее в своих ладонях, будто бы молясь. Спустя несколько мгновений она снова открыла свои глаза.

— Я почти не чувствую связи с ним. — Миа казалась обеспокоенной.

— Что это значит? — спросила я и посмотрела на прекрасное, безжизненное лицо Мака.

— Это значит, что шансы его вернуть невелики. Когда душа уходит все дальше, поймать ее все равно что черпать воду с помощью сита.

— Иисусе, нет!

— Вот почему Кинг искал чашу инков. Она может вернуть душу любого умершего человека, даже если она ушла из этого мира.

Я посмотрела на нее затуманенными от слез глазами.

— Вы искали чашу? Мак упоминал что-то о том, что он украл важную вещь и «они» разыскивают его.

— Мак искал эту чашу вместе с Кингом. В прошлом году я потеряла брата и надеялась его вернуть, но Мак... — Она вздохнула и провела ладонью по волосам Мака, с любовью смотря на его бледное лицо. — Он спас мне жизнь, помог Кингу обрести себя, и, как бы я ни любила своего брата, Мак рисковал многим, чтобы помочь нам. Я просто не

знаю, как мы сможем жить без него.

Ее слова больно резали мне сердце.

Черт, тело Мака было все еще теплым.

— Разве ты не Провидец? — спросила я. — Разве у тебя нет дара или как там это называется? Ты же можешь вернуть его обратно!

Миа покачала головой.

— Я отказалась от своего дара ради возможности быть с Кингом. Это долгая история, но единственное, что скажу, — все в этом мире требует своих жертв. Альтернатива или компромисс, называй, как хочешь. Я обменяла свой дар на того, кого люблю больше всего на свете. — Она посмотрела на меня с жалостью. — Наш единственный шанс — это чаша.

— Как, черт возьми, мы ее найдем? — спросила я.

Миа взглянула на дверь, ведущую на улицу.

— Я замужем за человеком, который может найти все, что угодно.

— Если для него это так легко, тогда почему он ее до сих пор не нашел?

— Кто сказал о легкости? Ему потребовалось более трех тысяч лет, чтобы найти камень, с помощью которого я наслала на него проклятие.

Когда-нибудь я все-таки спрошу у нее, как возможно то, что она знала Мака и Кинга три тысячи лет назад. Но сейчас это не имело значения. Я не могла смириться с тем, что Мак мертв.

— Мы сделаем все возможное, чтобы найти чашу. Я обещаю, — тихо произнесла Миа.

— А как же твой брат?

Миа посмотрела на руку Мака в своих руках.

— Однажды Мак поставил меня перед выбором между моим братом и возвращением Кинга. Это было самым сложным решением в моей жизни, потому что я знала, что потеря Джастина сведет с ума наших родителей, но в тот день мне пришлось сделать выбор. Я выбрала Кинга, и до последнего вздоха буду продолжать выбирать его. А этот мужчина не знает, как ему жить без своего близнеца, ведь их связь

так глубока, что мы и представить себе не можем. — Она вздохнула. — Спасение Мака — это спасение человека, которого я люблю.

— Я люблю тебя, Миа, — произнес глубокий хриплый голос позади нас.

Мы обе повернули головы в сторону дверей. В глазах у Кинга стояли слезы. Должна признать, что нелегко было смотреть на близнеца мужчины, которого я любила и с которым занималась сексом меньше часа назад. Моя душа болела от горя.

Миа встала с колен и, подойдя к Кингу, встала на цыпочки, чтобы дотянуться до его губ. Я так завидовала им обоим. Несмотря ни на что, они есть друг у друга.

«А кто есть у меня?»

У меня было прошлое, которое я не могу вспомнить, а мое сердце истекало кровью прямо передо мной. Я не помнила этого мужчину, но он был для меня всем.

— Сколько? — спросила я. Не услышав ответа, посмотрела на Кинга и Мию. — Я спросила, сколько стоит его вернуть? Что мне нужно делать?

Кинг нахмурился, явно разозлившись на мои слова.

— Ты думаешь, я приму от тебя деньги?

— Я знаю только то, что ты безжалостно убивал меня несколько раз и, по словам твоей жены, можешь найти все, что угодно, — ответила я, пожав плечами.

Кинг отрицательно покачал головой, и на его лице появилась маска отвращения.

— Да я бы и задницу ими подтирать не стал.

— Кинг! — осадила его Миа.

— Что? — он окинул ее грозным взглядом. — Причина, из-за которой я убивал ее, прямо сейчас лежит на этом полу! Пусть она горит в аду!

— Я просто хочу вернуть Мака, вот и все.

— Ты можешь найти глубокую темную дыру. Может, ты, наконец, заползешь в нее и сдохнешь? Я сам верну своего брата!

— Я не собираюсь просто сидеть и чего-то ждать, потому что он важен для меня точно так же, как и для тебя.

Кинг будто бы задумался.

— Кинг, нет! — возразила Миа. — Я знаю, о чем ты думаешь! Твои бартерные дни закончились!

Мне стало интересно, о чем же думает Кинг.

— Не совсем... — наконец признался он.

— Что? — вскрикнула Миа. — Но ты сказал, что с твоим управлением Десятым клубом покончено!

Вот еще одна вещь, которую я должна была детально изучить позже. Я хотела узнать как можно больше о Десятом клубе, но не сейчас, учитывая какой взбешенной и непреклонной стала Миа, когда узнала, что Кинг до сих пор является его частью. На данный момент этот был всего лишь кусочек того мира, который я только начинаю изучать.

— Мак должен был помочь мне разобраться с клубом, — ответил Кинг. — Как видишь, теперь все стало более проблематично. Я не могу пустить все на самотек или позволить какому-то чужаку взять бразды правления в свои руки. Я должен оставаться во главе клуба, пока не придумаю новый план.

— Ну ты и говнюк! Я сказала нет! — рявкнула Миа. — Эти люди опасны!

— Я тоже! — ответил он.

— У нас теперь есть ребенок! — практически взмолилась Миа. — У нас теперь есть жизнь!

— Именно поэтому ты вернешься в наш дом на Крите, где вы будете в полной безопасности, а я займусь поисками чаши и разберусь с вопросом о руководстве Десятым клубом! — Кинг посмотрел на меня. — А что касается тебя, то я говорил серьезно. Я дам тебе пять секунд, чтобы покинуть это место, или убью тебя в шестой раз. Или в седьмой? Я точно не помню.

Лицо Мии покраснело от злости.

— Я тебе не позволю...

— Нет! — я встряла в их зарождающуюся ссору. — Все в порядке, Миа. Я уйду, если это означает, что я смогу снова увидеть Мака.

Кинг снова зарычал.

— Если ты еще хоть раз произнесешь его имя, то я отрежу твою голову и помещу ее в банку, но ты не умрешь, маленький Провидец. Ты будешь жить столько тысячелетий, сколько я захочу, взывая о помощи. Но никто тебя не услышит. Ни одна живая душа!

Миа хотела что-то ответить на его пламенную речь, но Кинг шикнул на нее, когда та раскрыла рот:

— И, прежде чем ты произнесешь хоть слово, женщина, я напому тебе о том, что ты сделала с человеком, который выпотрошил твоего брата, как рыбу.

Миа закрыла рот, явно кипя от ярости, и конечно же мне стало интересно, про кого говорил Кинг, но сейчас у меня были проблемы и поважнее. Я должна была попытаться убедить Кинга в том, что хочу ему помочь.

— Мне все равно, увижу ли я Мака снова, — соврала я. — Я просто хочу вернуть его к жизни. Хочу знать, что с ним все в порядке. Пожалуйста, позволь мне помочь.

Я догадалась, что Кингу моя идея не понравилась, потому что, прежде чем отключилась, я явственно почувствовала удар об стену.

~

Когда я очнулась, мне казалось, что меня переехал фургон. Каждая клеточка моего тела болела, а ноги ощущались настолько ватными, что казалось, если бы я встала, они просто не выдержали бы веса собственного тела. Я повернула голову в сторону места, где ранее лежало тело Мака, но его уже там не было, как и тела той женщины. Застонав, я перевернулась на спину.

«Мак... Мак... Мак...»

Я так скучала по нему, что начала задумываться о глубокой дыре, которую упоминал Кинг.

Меньше недели назад я была женщиной, целиком сосредоточенной на своей карьере, проживавшей свою бесцветную жизнь без любви. А теперь я любила так сильно, что едва могла дышать. Мое сердце и душа знали Мака, как если бы он был их второй половинкой. Мне было так трудно иметь такую глубокую эмоциональную связь с

человеком, не помня при этом ни нашей первой встречи тысячи лет назад, ни первого поцелуя, ни первого занятия любовью.

И, пока я лежала там, хрипя и плача, в моей голове вертелся только один вопрос: почему я не могу вспомнить все это, как раньше?

Казалось, что мои воспоминания пытались пробиться наружу, но не могли. Тот, кто сделал это со мной, определенно не хотел, чтобы я помнила о своем прошлом с Маком или могла найти его. И у меня сложилось впечатление, что Кинг и Миа тут абсолютно не при чем.

Так почему же? Что от меня скрывают?

Я начала рыдать, страдая от невыносимого чувства потери и непонимания.

— Борись, Олла... Борись! — шептал голос в моей голове. — Этот ублюдок Кинг не сможет тебе ничего сделать, и он знает это.

Я не могла понять, знаком ли мне этот голос.

— Как я могу бороться, если даже пошевелиться не в состоянии? — прошептала я.

Без всякой причины я положила свою руку на грудь и, закрыв глаза, перестала бороться с болью, как будто кто-то подсказывал мне сделать это.

Я вдохнула, и боль поглотила меня, обрушившись на мое тело, точно цемент. Через несколько секунд я почувствовала, будто бы меня берут на руки и переносят в другое место.

Я стояла у дальней стены огромного бального зала с белыми стенами и белыми колоннами, украшенными золотистой резьбой. Красивые и экстравагантно одетые гости кружились в танце и кланялись оркестру. Не могу поверить, что я снова на балу, ведь я слишком стара по меркам здешних господ и не собиралась выходить замуж. По крайней мере, ни за одного из тех мужчин, которых встречала до сих пор. Все они либо пахли, как надушенные пудели, либо говорили только о моем приданом. А вот моя подруга и компаньонка Люсинда жила мечтой о дне ее замужества. Конечно, из нее выйдет прекрасная и достойная жена. В отличие от меня. Я читала книги о науке, религии, философии и политике, постоянно спорила со своим отцом, отказывалась делать то, что мне велели. Мое сердце дикое и неукротимое, и таким будет всегда.

Я бросила взгляд на дедушкины часы, стоящие в углу зала,

заполненного людьми, которые выпивали, смеялись и судачили друг о друге. Еще час этого дерьма — и я буду свободна. Мой двоюродный брат Роберт будет сопровождать меня, так как он был старше, ведь мой отец в отъезде, а мать нездорова. На самом же деле она ненавидела все эти светские мероприятия так же, как и я, но это мой последний светский сезон, и меня объявят «старой девой». Скорей бы уже, просто не могу дожидаться. В этом статусе были огромные преимущества. Например, у меня не будет мужа, который бы мной командовал, не будет детей, которых надо было бы дисциплинировать, и не будет светских раутов, на которых было бы необходимо присутствовать.

Я чувствовала, как тугой корсет впивается в мою грудную клетку, пока изо всех сил старалась стоять спокойно и не дергаться, но, кроме этого, я почувствовала, как с другой стороны зала на меня кто-то пялится.

«О, великолепно! Придется мне сегодня вежливо отказать еще одному несостоявшемуся кавалеру, сославшись на уже усталые ноги».

Но, когда подняла голову и встретила взглядом с парой удивительно голубых глаз, я почувствовала, что дыхание будто бы выбили из моих легких, и мир вокруг стал вращаться. Не удержавшись на ногах, я упала назад.

— Мадмуазель, вам плохо? — спросил поймавший меня мужчина, который только что болтал с Люсиндой о какой-то банальной ерунде, связанной с садами.

С его помощью я снова встала на ноги и кивнула.

— Все хорошо, в этом платье мне не хватает воздуха.

Люсинда, миниатюрная блондинка (полная противоположность мне, с моими темными глазами и черными, вьющимися волосами), издала легкий смех.

— Эвелин, ты действительно пойдешь на все, чтобы уйти отсюда пораньше. Только я никуда не пойду. Ты обещала, что мы останемся до последнего танца.

Обычно в такие моменты я начинала умолять ее уйти, взывая к ее любви ко мне, ведь мы были лучшими подругами почти всю сознательную жизнь, но сегодня я не хотела никуда уходить. По

крайней мере, не с ней.

Я наблюдала, как незнакомец приближается ко мне, петляя между девушками в пышных юбках и мужчинами в черных пиджаках. Он был на голову выше всех остальных мужчин в этом зале и в тысячу раз красивее. Его светлые волосы почти касались широких плеч, а походка казалась такой уверенной и выдавала в нем сильного мужчину. Ну, или опасного. Я не уверена. Как бы то ни было, мы не могли отвести друг от друга взгляд.

Я прекрасно понимала, что видела его и раньше, но подробности встречи с мужчиной, которого не забудет ни одна женщина, не могла вспомнить.

Наконец он подошел и долго смотрел на меня сверху вниз своими гипнотическими глазами.

— Это ведь ты, не так ли? — спросил он таким мужественным и низким голосом, от которого у меня по телу пробежали мурашки, а пальцы ног невольно подогнулись в шелковых туфлях.

«Господи, нет! Он перепутал меня с другой женщиной!» Ну все, мое сердце беспощадно разбито.

— Сэр, вы приняли меня за кого-то другого! — резко ответила я.

Да уж, просто не повезло мне. Этот дико красивый мужчина, выглядевший так, будто ему не место на балах, искал другую женщину.

— Я никогда не ошибаюсь, — прошептал он и протянул мне руку. Очень неприличный жест, учитывая, что нас даже не представили.

Я смотрела на его руку и не могла не желать коснуться ее, потому что было бы просто грехом отрицать, что этот мужчина великолепен. В тот момент, когда это произошло и наши руки соприкоснулись, в моей голове начали мелькать образы. Я видела нас с ним вместе, но выглядел он по-другому. Его кожа в этих образах была темнее, черты лица — грубее, но вместе с этим они были настолько изящными, как будто принадлежали искусно вылепленной статуе греческого бога. И я знала эти глаза, их бесконечную синеву. И еще я точно знала, что он чувствует, когда обнимает и целует меня.

— Кто ты такой? — прошептала я.

— Сейчас меня называют Макариусом. — Он смотрел по сторонам,

будто бы искал кого-то. — Пойдем. Нам нужно уходить.

Я тоже посмотрела по сторонам и увидела, что Люсинда была увлечена танцем со своим кавалером и не обращала на меня внимания, а Роберт обжимался с молодой блондинкой в углу, наверняка уговаривая ее встретиться позже где-нибудь наедине, чтобы лишить ее девственности.

— Куда мы пойдем? — спросила я, заранее зная, что это не имело значения.

Макариус улыбался, но я видела, что в его прекрасных голубых глазах скрывалось что-то темное. Он явно был опасен, но я все равно хотела быть с ним.

Он взял меня за руку, и мы пошли к боковой двери, ведущей к большому фонтану, за которым простирался большой, освещенный факелами сад. Другие гости, которые могли обратить на нас внимание, вероятно предположат, что мы собираемся заняться чем-то скандальным за одним из деревьев, но меня это не волновало, даже если моя репутация будет запятнана.

Я следовала за Макариусом, и мы наконец вышли на улицу, за ворота. Стук лошадиных копыт и болтовня кучеров наполняли холодный воздух. Пока он, продолжая держать меня за руку, вел нас вперед, ко мне вернулись воспоминания о джунглях, дожде и маленькой хижине, в которой этот мужчина, полностью обнаженный, скользил между моими бедрами, даря мне наслаждение и вдыхая запах моих волос.

«Господи Боже! Что происходит?»

Но, тем не менее, я не боялась. Я хотела быть с ним, потому что любила его.

Мы повернули за угол и вошли в ворота соседнего большого белого дома с колоннами. Мимо этого дома я проходила миллион раз. Когда-то он принадлежал местному губернатору, но тот уехал из Сан-Франциско несколько месяцев назад и, по слухам, продал дом богатому торговцу из Нью-Йорка. Ходили слухи, что этот торговец даже ни разу и не посмотрел на дом, но, по всей видимости, люди ошибались, и этот торговец сейчас рядом со мной. И он принадлежит мне.

Через парадные двери мы попали в роскошное фойе, стены которого

были покрыты белым мрамором, а потолок украшен расписными фресками. В моей голове все чаще стали всплывать мысли о том, что мои родители отрекутся от меня, узнав, что я побывала здесь. Его слуги наверняка будут об этом судачить.

В гостиной уже был разведен камин, а на маленьком столике у дивана с обивкой из пастельно-голубого цвета стоял графин с темным напитком, думаю, с виски.

— Это твой дом? Он чудесен.

Игнорируя мой комплимент его дому, Макариус отпустил мою руку и, подойдя к столику, налил себе выпить.

— Не желаешь? — спросил он.

— Нет, спасибо. Я не пью, но ты... можешь... — я не могла даже закончить фразу.

«Да что это со мной, Бога ради?»

Макариус сделал глоток и поставил бокал на столик. Пауза затягивалась

— Ты хоть представляешь, как долго я тебя искал?

— Как это возможно, если мы с тобой только встретились?

Он повернулся и строго посмотрел на меня своими голубыми глазами.

— Мы оба знаем, что это неправда, Олла.

— Меня зовут Эвелин. Эвелин Берджесс.

— Называй себя, как хочешь, но это не изменит того факта, что ты моя и что я отведу тебя в мою комнату.

Слишком ошеломленная, я не могла двигаться, думая о том, что не была в постели еще ни с одним мужчиной.

— Как я могу помнить тебя? — наконец спросила я.

Макариус положил свои руки мне на плечи и прошептал:

— Потому что мы с тобой связаны. До последнего вздоха каждой из наших жизней.

Он медленно наклонился и прикоснулся своими губами к моим, отчего на меня нахлынули новые воспоминания. Я увидела, как

вокруг костра собираются люди с темной кожей и черными как смоль волосами. Когда-то я любила этих людей, но они сделали меня очень несчастной, разлучив с возлюбленным.

— Не понимаю... — прошептала я, отстранившись.

— Необязательно понимать. Прислушайся к своему сердцу.

Он снова взял меня за руку и повел по мраморной лестнице в свою спальню, где также уже разведенный камин боролся с холодом зимней ночи. Не заметив ни одного слуги по пути сюда, я почувствовала облегчение.

Когда Макариус запер за нами дверь на ключ, часть моего мозга понимала, что уйти с бала с абсолютно незнакомым человеком, пойти к нему домой без сопровождения, намереваться отдать ему себя — это полнейшее безумие, но другая часть говорила о том, что я ждала этого всю жизнь.

Этот красивый мужчина вырвал меня из моих размышлений, когда обхватил рукой мой затылок и поцеловал. Его язык тут же ворвался в мой рот, пробуя и смакуя наш поцелуй; губы Макариуса были мягкими и сладкими, как ликер. Прежде чем я успела понять, что происходит, он оторвал меня от пола и бросил на кровать с четырьмя столбиками по углам.

— Прости, сегодня я не могу не торопиться, — хриплым голосом произнес он и поднял мои юбки.

Макариус навис надо мной, и я увидела, как одной рукой он приспускает свои штаны. Прежде чем он прикоснулся головкой своего члена к моему влажному и жаждущему его лону, ожидание уже превратилось в пытку. Я задержала дыхание, потому что слышала много неприятных вещей о том, что из себя представляет соитие с мужчиной, но мои воспоминания говорили о обратном. Я точно помнила, какое наслаждение он способен подарить мне.

— Я люблю тебя, ты ведь знаешь это? — спросил он, глядя мне в глаза.

Вдруг я увидела, как вокруг него, словно фейерверк, вспыхнули краски разных цветов: желтые и белые пятна с красными и черными прожилками.

Я не смогла ответить ему, потому что внезапно он толкнулся вперед, и его член разорвал хрупкий барьер, причиняя мне боль. Макариус

вошел глубже, и в тот момент, когда мне показалось, что боль стала невыносимой, он остановился, и боль начала стихать. Я расслабилась, зная, что худшее позади.

— Готова к большему? — спросил он, едва дыша.

— Да. Хочу еще.

Он практически вышел из меня, а потом плавно толкнулся вперед, и я почувствовала такое удовольствие, что приподняла бедра ему навстречу, желая, чтобы он вошел еще глубже. Найдя удивительный ритм, Макариус освободил мою грудь из платья и наклонился, чтобы взять в рот сосок. Его посасывания вызвали восхитительные ощущения внизу моего живота.

«Господи, где он был всю мою жизнь?»

Я откинулась назад и не смогла сдержать стонов. Я знала, что никогда не испытала бы подобного с кем-то другим.

Темп движений Макариуса становился все быстрее, он припал к моим губам, целуя меня яростно и как-то отчаянно. Мы стонали почти в унисон, смешивая наше дыхание, жадно вбирая в себя каждый грамм этого удовольствия, сжимали тела друг друга, словно голодные звери. Все это время в моей голове появлялись образы о разных местах и эпохах, но, несмотря ни на что, в них Макариус любил меня одинаково. В его глазах плескались любовь и печаль.

Прежде чем я осознала, что со мной происходит, сладкое давление внизу моего живота начало нарастать, а потом внутри меня произошел взрыв. Каждый нерв моего тела напрягся, а Макариус снова застонал и прижался к моему телу еще теснее, извергая свое семя внутрь меня. Я цеплялась за простыни, пока не схлынули последние волны этого греховного удовольствия.

Макариус навалился на меня, и я едва могла дышать, но мне было все равно. Ощущение того, что сейчас наши тела едины, не было похоже ни на что другое.

— Боже, как я скучал, — прошептал он, вдыхая запах моих волос. — Не могу поверить, что нашел тебя.

— Ты пришел на бал, чтобы найти меня?

— Нет. Я пришел туда, чтобы покончить с одной женщиной. Очень плохой женщиной, убившей своего мужа из-за его состояния. Я уже

собирался уходить, но потом заметил тебя.

Я была шокирована его словами.

— Видимо, ты вспомнила еще не все? — спросил он.

— Видимо... — ответила я, уставившись на белый потолок.

Макариус вздохнул и перевернулся на спину, устраиваясь рядом.

— Тогда позволь тебе напомнить. Я был проклят твоим отцом, который убил собственную дочь за то, что мы с тобой занимались любовью, и будучи уверенным, что это разгневет богов. Он проклял меня, приговорив к вечным душевным терзаниям, и только убийства дарят мне секунды покоя от той тьмы, что грызет мою душу.

Пока я слушала Макариуса, мой собственный разум показывал мне страшные и вместе с тем удивительные картины моих воспоминаний.

— Но мы были влюблены друг в друга... — продолжил он, — и с помощью своих даров ты связала наши души, пообещав найти и спасти меня.

Дары. Да, я наделена дарами. Раньше я могла избавить человека от страшных болезней, поэтому люди думали, что я своего рода полубог.

Начав задыхаться, я привстала с кровати и села.

— Я помню. Я все помню.

— Это хорошо. Потому что мне нужно, чтобы ты избавила меня от этого проклятья, Эвелин. У меня больше нет сил терпеть эти мучения.

Господи! В одно мгновение на меня обрушилось понимание его страданий. Наши поиски друг друга в течение этих тысячелетий.

— Я не уверена, что знаю, как это сделать... — тихо произнесла я, но знала, что хочу спасти его всей душой.

Макариус снова навис надо мной и поцеловал.

— Тебе просто нужно напомнить.

Я ощущала, как мое тело реагирует на его поцелуи, уступая потребности почувствовать его в себе. Мы провели ночь, наверстывая упущенное, и я чувствовала, что безгранично счастлива. Мне нужно было найти способ спасти этого прекрасного мужчину.

С первыми лучами солнца я постаралась игнорировать великолепие лежащего на кровати мужчины и его обнаженного тела и, тихо одевшись, вышла из его дома. Мой дом располагался на другом конце города, и пешком пришлось бы идти очень долго, но, к счастью, мне встретился частный извозчик. Мужчина неуважительно долго рассматривал меня, наверное, думая, что я какая-нибудь шлюха, но деньги сделали свое дело, и он отвез меня домой.

В свой дом, выдержанный в викторианском стиле, я не стала заходить через парадные двери, а проскользнула через вход для слуг, игнорируя перешептывания и хихиканье персонала. Мне плевать на сплетни.

— Скажи лакею — пусть готовит карету! — приказала я своей горничной Бетси, которая сейчас смотрела на меня осуждающе.

Я знала, о чем она думает. Сейчас было раннее утро, я вернулась без компаньонки, и это грозит проблемами. В этом она, конечно, была права. Я поднялась в свою комнату и переоделась в повседневное синее платье с белыми кружевами. Сверху я надела черное шерстяное пальто и черную шляпку, не желая быть замеченной на улице.

Я достала спрятанный под комодом мешочек с золотыми монетами, осознавая, что мои планы просто безумны. Я собиралась заключить сделку с дьяволом, но я сделала бы что угодно для того, чтобы спасти Макариуса.

Выбежав из дома, я села в ожидающий меня экипаж и приоткрыла окошко, чтобы увидеть кучера.

— Отвезите меня в Темный дом.

Каждый, кто живет в Сан-Франциско, знал об этом доме. Он стоял на холме с видом на залив и был окружён туманом вне зависимости от времени года. Слуги этого дома поговаривали о том, что работают на призрака. Купцы считали хозяина сумасшедшим, но добавляли, что он всегда достойно оплачивает их товар. Джентльмены из нашего общества считали, что этот человек опасен, но может отыскать все что угодно и кого угодно. Но за определённую цену.

Карета остановилась перед большим трехэтажным темно-синим домом с белыми ставнями. Через кованые железные ворота был виден неопрятный передний двор, полный опавших листьев, что придавало этому месту зловещий вид. Но теперь, вспомнив прошлые жизни, я знала, кем являюсь, и видела, что это место пропитано энергией и

силой. И если уж кто-то мог мне помочь найти то, что я ищу, так это хозяин этого дома.

Я велела кучеру подождать и вошла в ворота. Приблизившись к огромной разноцветной витражной двери, я почувствовала, как по моему телу пробежали мурашки. Из всего вокруг: дверей, земли, деревьев — просачивалась очень плохая энергия.

На мой стук никто не открыл дверь, но я чувствовала, что хозяин в доме. Он как будто читал меня. Наконец, с глухим скрипом дверь открылась, и я зашла внутрь.

— Эй?

Внутри было темно, но я видела цвета — отпечатки, если хотите, — тех, кто входил в этот дом до меня. Некоторые люди встретили здесь свою судьбу, и, возможно, меня ждет та же участь. Но единственное, что сейчас имеет значение, — это помощь Макариусу.

Я чувствовала, что в этом темном фойе я не одна, и внезапно заметила движение. В темном углу, наблюдая за мной, сидел человек, лица которого мне не было видно.

— Пройдете в гостиную, — вдруг предложил зловещий голос. — Что ты ищешь здесь, женщина?

Я закашлялась.

— Сэр, мне сказали, что вы можете найти то, что ищут люди.

— И что же вы хотите найти? Мужа? Потерянную туфельку? — в его голосе звучали сарказм и веселье, но я их проигнорировала.

— Я хочу найти то, что поможет мне снять проклятье. У меня есть золото.

— Какого рода проклятье? — спросил он, явно заинтересовавшись.

— Проклятье разгневанного отца.

Мужчина усмехнулся, и я ощутила болезненные покалывания в своем позвоночнике.

— Дай угадаю. Он недоволен твоим любовным выбором?

— Вроде того, — кивнула я.

— Девочка, послушай, я не нахожу то, что спрятано в задницах недовольных отцов. Но уверяю, что его неодобрение — это не

проклятье, это просто временное неудобство. Прошу тебя уйти.

«Как он смеет?»

— Я вам не какая-то наивная девчонка, ищущая способ умаслить своего отца! И если вы так сильны, как о вас говорят, то уже должны были это понять!

Понимая, что напрасно трачу здесь свое время, я повернулась, чтобы уйти, надеясь самой придумать способ спасти человека, который мне дороже всех на свете.

— Подожди! — уже у входной двери меня остановил хозяин дома. — Вернись!

Я вернулась обратно, но мужчина уже не сидел в затененном углу комнаты, а стоял в мягком свете, падающем на его лицо через щель в задернутых занавесках.

«Господи, я знаю его!»

Он выглядел так же, как когда-то Макариус. В моей голове всплыло еще множество воспоминаний о том, как этот мужчина охотился на меня с мечом и как я умоляла сохранить мне жизнь. Я вспомнила, что он брат-близнец Макариуса. Что он порочен и жесток. В нем нет ни единого грамма доброты и света, несмотря на внешнюю красоту и богатство.

«Вот это поворот судьбы!»

И вдруг я поняла, что передо мной призрак. Душа, которая держится за этот мир только благодаря ненависти и злобе. Он так яростно цеплялся за мир живых, что способен становиться видимым для других. Я же видела его во всех смыслах.

Инстинктивно я закрыла свой разум, уверенная, что пришла сюда зря. Я совершила серьезнейшую ошибку, и он убьет меня, как только поймет, кто я.

— Я... я... передумала...

Я развернулась, чтобы уйти.

— Жаль, ведь у меня есть ответ на твой вопрос.

Я остановилась перед входной дверью, разрываясь между своим спасением и спасением Макариуса. Логика подсказывала мне, что если бы его брат знал, как его спасти, то уже сделал бы это. Только

если... ключ к его спасению не во мне.

Я повернулась и посмотрела на мужчину, который стоял всего в паре метров от меня и поняла, что узнать меня — для него дело пары секунд.

— Сколько это будет стоить? — спросила я, стараясь не нервничать.

— За мой счет, ведь это будет чертовски неприятно.

«Что и следовало ожидать».

— Смерть — единственный способ покончить с этим проклятьем.

— А если проклята душа?

— Тогда душа тоже должна умереть. Она должна покинуть этот мир, отпустив все, что, по сути, ей не принадлежит. Но ты и так это уже знаешь, не так ли, Олла?

«Черт, он понял!»

Прежде чем еще хоть слово смогло сорваться с моих губ, мужчина испарился и, появившись прямо за мной, свернул мне шею. Моей последней мыслью перед смертью было то, что я не поцеловала Макариуса на прощание.

«Увижу ли я его в следующей жизни?»

~

«Черт!»

Я резко села, схватившись рукой за шею, снова оказавшись в лесной хижине в пустыне.

«Это всего лишь сон?»

Нет! Уверена, что это воспоминания. Я на самом деле прожила каждую секунду той жизни, дышала этими эмоциями. Они были такими же реальными, как пульсация в моей голове прямо сейчас.

Я осмотрела свои руки, а затем и остальное тело, с которого исчезли даже синяки. Пока пребывала в отключке, я исцелилась.

«Я могу исцелять!»

Именно этот факт из моих воспоминаний запомнился мне больше всего. Я медленно поднялась на ноги, уставившись на лужи крови на

полу. Миа и Кинг забрали тела Мака и той женщины. Осознание того, что я убила Мака, обрушилось на меня со всей своей болью. То, что я сделала это нечаянно, никак не оправдывает меня и не уменьшит моих страданий. А когда мне показалось, что в этом смертельном торте не хватает глазури, я убила еще и женщину. Конечно, у меня были на то причины, но черт... Я, Теодора Валентайн, своими собственными руками убила двух человек.

«Но ты еще можешь все изменить!»

Да, по крайней мере, одну смертельную ошибку я могу исправить. Как я не была готова отпустить Мака три тысячи лет назад, так я не готова отпустить его и сейчас.

Единственной надеждой оставалась чаша. Кинг, должно быть, уже ищет ее, и я не сомневалась, что найдет. Фокус в том, что, так как Мак мертв и его душа покинула этот мир (о чем говорил мне Кинг), теперь он был свободен от проклятья моего отца. Но, если Кинг воскресит брата, его мучения начнутся заново. Мак изначально не хотел жить с болью и виной от своих воспоминаний.

Но я могу его исцелить. Я была наделена этим даром. Теперь мне нужно было убедить этого сукиного сына, Кинга, в том, что воскресить Мака недостаточно, что он нуждается во мне.

Глава 19

Тедди

Сан-Франциско, 20:45

Трехэтажный дом из моих воспоминаний, скрытый за высоким забором и коваными воротами, я нашла без труда. И, хотя теперь этот дом стал практически белым современным дворцом с огромными окнами от пола до потолка, от него все еще исходила та самая зловещая энергия.

Ворота были не заперты, и, войдя в них, я попала на красивый, ухоженный дворик. С тщательно подстриженным газоном соседствовали клумбы с красными и желтыми фиалками. Я поднялась по небольшой лестнице и остановилась у стеклянной двери, через которую могла хорошо рассмотреть уложенное плиткой фойе и

глиняные горшки с небольшими пальмами.

Я протянула руку, чтобы нажать на дверной звонок, но потом подумала, что формальности и вежливость — пустая трата времени. Кинг уже не единожды забирал мою жизнь, а однажды и в этом самом доме. Мы почти стали семьей, верно? Очень неблагополучной семьей.

Я повернула дверную ручку вниз и толкнула дверь, несколько не удивившись тому, что она не заперта. Такой жестокий сукин сын как Кинг убил бы любого, кто мог нагло ворваться в его дом. Поэтому я ожидала, что он набросится на меня с тесаком, копьем или чем-то еще, но вместо этого услышала раздающиеся в гостиной голоса и смех.

«Вечеринка?»

На мгновение я впала в ступор. Моей целью было убедить Кинга позволить мне помочь вернуть к жизни его брата, ну, и не убивать меня. Поможет или помешает этому его вечеринка?

Надеясь на то, что она поможет, так как Кинг вряд ли будет себя вести как мудака при приглашенных им гостях, я направилась на звуки голосов. Пройдя по небольшому коридору, я остановилась в дверях гостиной, которая была просто огромна и по размеру совпадала с теннисным кортом. Несмотря на огромные размеры зала, большинство гостей, одетые в смокинги и вечерние платья, толпились у бара или у открытых настежь дверей, ведущих, видимо, во внутренний двор.

«Здесь, должно быть, человек сто».

— Какого черта ты здесь делаешь, маленький Провидец? — произнес глубокий, угрожающий голос.

Я повернулась и посмотрела в лицо очень несчастного и обманчиво красивого мужчины. Мне было больно видеть Кинга, потому что в его лице я видела Мака.

— Вечеринка? — тихо спросила я.

Кинг сразу уловил мою издевку. Ведь со смерти его брата не прошло и суток, а он уже утраивает такое.

— Мне нужно было сломать тебе шею! — прорычал он.

— Так почему ты не сделал этого?

— Я пообещал Мии, что, если ты будешь держаться подальше, я тебя не трону. Мне стоит поблагодарить тебя за то, что не придется нарушать обещание. Тебя убить сразу или ты сначала выпьешь?

— Как любезно!

Он склонил свою голову, и мне сразу же захотелось, чтобы передо мной стоял Мак, хотелось запустить пальцы в его шелковистые темные волосы.

— Это меньшее, что я могу сделать после того, как ты сама принесла мне свою голову.

«Только попробуй тронуть меня!» – подумала я, внезапно осмелев.

— Что-то я не одета для такой вечеринки. Почему бы нам не уйти туда, где мы сможем остаться наедине? Мне нужно кое-что обсудить с тобой... Вернее, я хочу сделать тебе предложение и хочу, чтобы ты выслушал меня, прежде чем убить.

— Боюсь, что не могу оставить вечеринку без хозяина. Здесь слишком много волков, за которыми нужно присматривать, — тихо ответил мне Кинг.

Оглядевшись по сторонам, я только сейчас заметила, что людей, наполняющих зал, окружали вихри черного и красного цвета. Конечно, я еще не особо разбиралась в этом деле, но знала, что эти цвета означают что-то очень плохое.

— Вот дерьмо! — Меня окружало абсолютное зло.

— Да уж! — согласился Кинг.

Закончив с роком, небольшой оркестр в углу зала стал играть легкую джазовую мелодию, которую я раньше не слышала, но подумала, что она совсем не подходит приглашенным гостям.

Кинг протянул мне свою руку.

— Потанцуем?

— Мы с тобой?

— Да. Собравшиеся здесь люди очень опасны и не лишены собственных даров. Поэтому предполагаю, что как минимум человек пять уже знают, кто ты. И, к твоему несчастью, мисс Валентайн, ты никому не принадлежишь.

— Я не собираюсь становиться чьей-то собственностью. И правильно: доктор Валентайн.

Кинг засмеялся и опустил руку.

— Как хочешь. Но теперь ты в нашем мире, а здесь, если не являешься чьей-то собственностью, то становишься честной добычей.

«Черт!»

— Прекрасно. Если танец даст мне время, чтобы рассказать тебе то, что я хотела, то почему бы и нет.

Кинг учтиво, почти как джентльмен, снова предложил мне руку и повел меня ближе к оркестру. Он определенно чувствовал себя совсем непринужденно, да и к тому же был отличным танцором, скольльзящим по паркету, как мягкое масло по хлебу. Легко и красиво.

— Ты хорошо танцуешь, — с легким презрением похвалила я Кинга.

— Спасибо. Итак, что за предложение ты хотела обсудить, маленький Провидец?

Я крепче сжала его руку, желая причинить ему хоть немного боли, но попытка обернулась провалом.

— Ты знаешь, каким даром я наделена, Кинг?

— Конечно. Даром раздражать меня и способностью убивать мою единственную родную кровь.

Я покачала головой. «Вот мудак».

— Я целитель.

На мгновение мне показалась, что он побледнел и ледяная маска на его лице треснула. Кинг был удивлен.

— Ты этого не знал, да? — спросила я.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что ты всегда сосредоточен на том, чтобы спасти физическую форму Мака, оболочку, но не его душу. Он мучился, Кинг, и практически умолял меня прекратить его страдания, потому что ему невыносимо жить с чувством вины за все, что он совершил в своей очень долгой жизни. И, если ты не веришь мне, спроси себя, для чего он снял то ожерелье?

Глаза Кинга расширились, будто бы от удивления, а потом он

посмотрел за мое плечо.

— Это ведь тебе тоже знакомо, не правда ли? — задала я риторический вопрос. — Ты тоже был проклят. Наверняка тебе до сих пор снятся кошмары об ужасных, совершенных тобой вещах.

— И я снова повторяю свой вопрос. К чему ты клонишь, маленький Провидец.

— Я могу исцелить Мака. Когда ты его вернешь, я смогу убрать всю его боль, чтобы он был не просто жив, а счастлив.

— Думаю, ты преувеличиваешь свои способности, чтобы я тебя не убил, — усмехнулся Кинг.

— А я думаю, что ты просто ищешь любой предлог, чтобы убить меня.

— Возможно... — согласился Кинг.

«Ладно! Могу ли я доказать ему свои слова?»

Честно говоря, я не знала, как использовать свой дар, но должна была попытаться. Закрыв глаза, я стала покачиваться в такт музыке и устремила все свои эмоции куда-то внутрь себя, но ничего не происходило.

«Ты должна попытаться еще раз. Ради Мака. Он ведь рассчитывает на тебя!»

Затем образ Мака вспыхнул в моей голове, и я почувствовала, что в моей груди будто бы появился шар, состоящий из белого света и тепла. Он кружился внутри.

«Могло ли это исцелять?»

Думая о Маке, я не позволяла шару исчезнуть и, визуализируя его, представляла, будто бы этот шар проходит из центра моей груди в руку, а потом наружу, впитываясь в кожу руки Кинга. Я почувствовала странный поток какой-то энергии, проходящей через меня и проникающей в тело Кинга. Этот поток соединял наши души. Я не просто исцеляла Кинга, а действовала, как своего рода проводник этой энергии, чем бы она ни была... Откуда исходило это белое свечение, я могла только догадываться, но, когда оно стало проникать в Кинга, поняла, что черпаю его не из себя.

«Это свечение... эта энергия... она была вовсе не из этого мира...»

Прошло еще некоторое время, и нашу связь прервал подошедший к нам человек, похлопавший Кинга по плечу. Мы отстранились друг от друга, потрясенные и слегка дезориентированные.

Мы одновременно посмотрели на мужчину, брюнета среднего роста с небольшим шрамом на правой щеке, одетого в черный смокинг.

— Могу я вмешаться? — спросил он с практически волчьим оскалом.

Кинг посмотрел сначала на меня, потом на него, затем снова на меня и сделал что-то чрезвычайно странное. Он притянул меня к себе и обнял, практически защищая.

— Эта женщина моя! — прорычал Кинг. — Так что проваливай к черту.

Оскал на лице мужчины уступил место ненависти.

— Хорошо. Сколько ты за нее хочешь?

— Она не продается.

«Кинг защищал меня? Священная корова!»

— У всего есть цена.

— Я берегу ее для другой сделки, и у тебя нет ничего, что мне нужно!

— Кинг угрожающе сузил глаза.

— Это мы еще посмотрим.

«Что за черт? Эти люди и правда чокнутые!»

Кинг, словно сторожевой пес, не сводил с затылка мужчины глаз, пока тот не исчез в толпе.

— Что это было? — спросила я.

Кинг резко перевел на меня свой взгляд.

— Тебе тут небезопасно!

— А тебе не все равно? — рассмеялась я.

На красивом лице Кинга отразилось невыразимое страдание.

— Нет. Не все равно. Но, если ты кому-нибудь расскажешь об этом, я буду все отрицать.

— Значит, сработало... — пробормотала я, совершенно ошеломленная.

Кинг нахмурился и, схватив меня за руку, буквально потащил прочь из зала.

— Куда мы идем? — спросила я.

— В мою комнату. Трахаться! — выкрикнул он громко и практически ласково.

Я попыталась вырваться из его хватки, но вызвала этим еще более непонятную реакцию: подняв на руки, Кинг перебросил меня через свое плечо и зашагал вверх по лестнице. Я слышала, как зал наполнился перешептываниями и смехом. Разумеется, из-за нас.

«О, Господи Иисусе! Что происходит? Что-то явно пошло не так, и Кинг совсем спятил!»

Вошел в какую-то комнату, запер за нами двойные двери и бросил меня на огромную кровать.

— Что ты творишь?! — закричала я.

— А ты как думаешь? — крикнул он в ответ и, склонившись надо мной, приложил свой указательный палец к моему рту, чтобы заставить меня замолчать.

«Черта с два!» Я вскочила на ноги и попыталась обойти Кинга, но он поймал меня и швырнул на пол.

— Женщина! — прошипел он. — Успокойся! Они должны поверить, что ты принадлежишь мне!

«Ого!»

— Значит, ты не собираешься меня насиловать?

Он нахмурился, явно оскорбленный моими мыслями, но это лишь принесло мне дополнительное облегчение.

— Не позволяй их смокингам одурачить тебя. Эти люди — животные, Теодора. Они признают только жестокость и насилие. Они должны поверить, что ты, так сказать... моя игрушка. Конечно, это не помешает им попытаться обменять тебя, но, по крайней мере, они тебя не украдут. Надеюсь.

«Надеется?»

— Как они могут обменять меня, если ты не хочешь меняться?

— Они будут охотиться за тем, что дорого мне, пока не вынудят

пойти на обмен.

— Ты имеешь в виду своего ребенка или что-то подобное?

— Да. Или кого-то подобного.

Да уж. Теперь эти люди вызывали отвращение и у меня.

— Теперь я хочу, чтобы ты вцепилась мне в лицо и громко закричала.

— Чего? Ты серьезно?

— Да. Потом я вернусь на вечеринку, а ты запрешь за мной двери и останешься здесь, пока я за тобой не вернусь.

— А что потом?

— Если все пройдет хорошо, то сегодня я узнаю, кому Мак продал чашу, — его слова звучали слишком просто и легко. — Готова?

— Сначала расскажи мне, как все прошло? Что ты чувствуешь?

В глазах Кинга появился диссонанс между радостью и недоверием.

— Я снова чувствую себя цельным.

Мои глаза наполнились слезами. Я должна была ненавидеть этого человека за все, что он сделал мне, но не могла. Раньше он был сломлен. Больше нет.

Он взял мою руку и прислонил ее к своей щеке.

— Пусть она кровоточит... — прошептал Кинг.

Мне было сложно причинить вред его красивому лицу. Хотя я помнила, как он потрошил меня, словно рыбу, ломал мне шею и, кажется, однажды даже поджег.

Я согнула пальцы и вонзила ногти в его кожу.

— Воу! — Кинг вздрогнул и отошел.

Я же усмехнулась и закричала во всю мощь своих легких. Кинг кивнул и жестами напомнил мне не открывать дверь никому, кроме него.

После того, как он вышел, я заперла дверь и снова легла на кровать, раздумывая над странностью происходящего. Только вот я не знала, что это всего лишь начало. В конце концов, каждый из нас готов отдать часть себя за шанс вернуть Мака, а кто-то был готов пожертвовать абсолютно всем.